

Борис Бабкин

Кровь на золоте

Бабкин Б. Н.

Кровь на золоте / Б. Н. Бабкин —

Персонажи романа Б. Бабкина «Кровь на золоте» не останавливаются ни перед чем в своей погоне за богатством. В этой погоне человеческая жизнь ничто, как ничто любовь, дружба, долг. Даже самые стойкие не выдерживают этот марафон.

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Борис Бабкин

Кровь на золоте

Любые совпадения имен и событий этого произведения с реальными именами и событиями являются случайными

Часть первая

Громко лопнуло левое заднее колесо идущего на скорости синего «москвича». Визжа тормозами, машина заюзилась по асфальту. Водитель сумел удержать ее на дороге и остановить.

– Замерли!

К машине из лесополосы бросились трое людей с закрытыми темными платками лицами. В руках двоих были легкие автоматы. Третий – с пистолетом. Сидевший рядом с водителем человек открыл дверцу и хотел выскочить. У его коснувшейся асфальта ноги ударила пуля и с визгом ушла в сторону. Человек замер и, подняв вверх руки, выпустил пистолет. Водитель и двое сидевших сзади о сопротивлении не помышляли.

– Молотки! – оценил бандит с пистолетом. – Теперь давай чемодан, – требовательно бросил он сидевшему за водителем пожилому крепкому мужчине в темных очках.

– Вы думаете, что делаете? – опасно опуская руку к стоявшему между ног небольшому кожаному чемодану, спросил тот. – Ведь с вас живых шкуру спустят.

– Ты свою береги! – усмехнулся бандит с «узи». Взяв чемодан, налетчик с пистолетом удовлетворенно кивнул. – Теперь стволы выбросите. И убедительная просьба минут двадцать не шевелиться. У нас там мужик нервный, – кивнул он на лесополосу. – Стреляет быстро и метко. Так что, если желаете прожить еще немного, не рыпайтесь.

Водитель и сидевший рядом с пожилым пассажир выкинули пистолеты.

– Я оружия не ношу, – сказал пожилой.

– Верю, – кивнул налетчик и побежал назад. Один из автоматчиков подобрал три пистолета. Второй достал шило и пробил все четыре колеса. Потом бандиты стремительно побежали к лесополосе.

– Думаешь, снайперы там?

Пожилый, опустив руки, всмотрелся в ровную полосу деревьев.

– Хрен его знает, – буркнул сидевший рядом с водителем. – Что он стреляет здорово, ясно. Так что лучше посидеть.

– Время пошло! – как бы подтверждая его слова, звучно крикнули из лесополосы.

Спустившись к реке, трое в масках подбежали к моторной лодке. Первым в нее вскочил главарь с чемоданом. Двое столкнули лодку и забрались в нее уже в воде. Посмотрев друг на друга, весело рассмеялись. Сунув пистолет в карман, молодой мужчина сорвал с лица платок и, подмигнув, начал быстро грести. Двое других побросали «узи» в воду.

– С железками людей Трофимова обули, – сняв платок, громко рассмеялся скуластый парень.

– Если бы пришлось стрелять, – спокойно объяснил главарь, – я и Зверобой с ними справились бы.

– А не зря мы их там оставили? – спросил смуглолицый парень. – А то сейчас поедет кто-нибудь. Они могут...

– Ничего они не могут, – перебил его главарь. – Во-первых... – Подгребая к берегу, он обернулся. – Снайпер периодически предупреждает. А потом, сказать кому-то – значит, под-

ключить к делу ментов. Трофимову это совсем не в кайф. Так что будут сидеть минут двадцать пять, пока не поймут, что снайпер – лажа, – без улыбки закончил он.

– Варит у тебя башка, Маршал! – восхитился скуластый.

– Идея-то Белого, – сказал Маршал. – Я просто нашел вас и подкорректировал немного.

– Все ништяк, – проговорил смуглый, – но с настоящей дурочкой я бы себя увереннее чувствовал.

– Времени было в обрез. Да и тратиться не хотелось. – Маршал усмехнулся. – К тому же я уже говорил – стрельба была не нужна. Все строилось на нервах. Если в себе и Белом я уверен на все сто, то, зная тебя, Кошей... – Он засмеялся. Лодка ткнулась носом в берег. – Просто боялся. Ты же любитель пальбы в воздух.

– С шумом, оно веселее! – захохотал тот. Выбравшись из лодки, все трое быстро побежали к стоявшим на грунтовой дороге красным «Жигулям».

– Двадцать минут прошло, – посмотрев на часы, буркнул пожилой.

– Но он, – сказал сидящий рядом человек, – только что орал. Мол, сидеть! – Высунувшись в окно, он закричал: – Те сказали – двадцать минут! Ты бы свалил наскоряк!

Не услышав ответа, рывком открыл дверцу, вывалился на асфальт, откатился в сторону и прыгнул в придорожную канаву, где уже были выскочившие водитель и пожилой. Парень с первого сиденья шел спокойно.

– Они не черти, – усмехнулся он. – Время выдержали. Он сейчас шпарит, как на чемпионате мира. Те-то уже далеко. Вот бы поймать козлов! Я бы их...

– Латайте колеса! – выбираясь из канавы, перебил его пожилой. – Мы что, здесь ночевать будем?

– Да чем латать-то? – огрызнулся парень – Не взяли мы ни хрена. Запаска одна. А клея нет.

– Надо было брать! – крикнул пожилой.

– Хорош, Грач, – поморщился парень, – не глухие. Подождем, может, поедет кто. Сходика глянь, – повернулся он к тому, кто первым выскочил из машины. – Где он там сидел, сука! А ты давай колеса откручивай! – рывкнул он на водителя и, зло выматерившись, открыл багажник, достал запасное колесо.

– Кто-то едет. – Грач посмотрел в сторону, откуда они приехали.

По дороге неторопливо катил старый горбатый «запорожец». Грач выскочил на середину дороги, махнул рукой.

– Так под колеса и попадают, – остановив «запорожец», недовольно проговорил блондин в темных очках.

– В город отвезешь? – спросил пожилой.

– Я вообще-то мимо еду, – немного подумав, сказал блондин, – но почти до города. Я не суюсь в города, – доверительно сообщил он, – светофоров боюсь.

– Слышь, мужик, – шагнул к «запорожцу» парень, – у тебя клея нет? Колеса пробились.

– Как же нет, – кивнул блондин. – Но ведь это... – Он вздохнул. – Я за него деньги платил. А сейчас в колхозах...

– Хватит? – вытащив из кармана сто долларов, перебил его парень.

– Чего ты мне хреновину какую-то тычешь?! – возмутился водитель «запорожца». – Ты мне рубли давай! Куда я с этим сунусь?

Красные «жигули» подъехали к небольшому дому. Из калитки, улыбаясь, вышел худой длинноволосый парень. Маршал с чемоданом в руке быстро пошел к дому. Длинноволосый открыл ворота. Сидевший за рулем скуластый въехал.

– Ну и хохма! – Скалясь в веселой улыбке, Кошей хлопнул худого по вытянутой руке. – Они, наверное, до сих пор там кукуют.

– Белый кого-нибудь подцепит, – Маршал выглянул в раскрытое окно. – Если увидит, что какая-нибудь тачка в ту сторону едет, первым до них докатит. Давайте сюда, – позвал он всех. – Цепляйте свою долю и в разбег. Трофимов – дядя очень серьезный. У него с ментами вась-вась. Сам бывший. Если понадобится, найду.

– Мне все надоело! – с грохотом захлопнув дверь и швырнув пластиковый пакет, из которого вылетели тетради, истерично закричала молодая высокая девушка с длинными светлыми волосами. – Я так больше не могу! Я уже три года наслаждаюсь прелестями деревенской идиллии! Школа! Дети! Школа и снова дети! Тороплюсь проверить тетради, потому что вечером отключают свет! Нам уже полгода не платят! Часть зарплаты отдают мукой и сахаром! – Словно отдав все силы крику, плюхнулась на стул, положила на стол руки, уткнулась в них лицом.

– Ника, – позвала ее лежащая на кровати женщина. Ее морщинистое худое лицо в обрамлении седых волос казалось неживым. Большие, мокрые от слез синие глаза смотрели на девушку. – Сейчас всем тяжело. Но...

– Мама, – плача, проговорила Ника, – ты всю свою жизнь отдала Крайнему Северу. Летом работала на съемке, зимой в кочегарке. Летом каждый день была по колено в ледяной воде, а зимой... – недоговорив, махнула рукой. – И что? Заработала постоянные боли в ногах. Распад легких. А тебе даже пенсию вовремя не дают. Тебя из больницы привезли сюда умирать... – Ника вскочила и бросилась к матери. Упав у кровати на колени, уткнулась лицом в желтую высохшую руку. – Прости, – прошептала она. – Но я больше так не могу. Мне все надоело. Нет! – Вскинув голову, посмотрела в глаза матери, и не увидела в них упрека. Ника увидела нечто другое. – Мама, – растерянно проговорила она. – Я не то хотела сказать. Я сделаю все, чтобы...

– Наверное, пришло время, – вдруг ясно проговорила мать, – сказать тебе правду. Мне было двадцать два года, как сейчас тебе, когда я уехала в Магаданскую область. Сначала работала мониторщицей, мыла золото. В то время там хорошо платили. Раз в три года полугодовой отпуск. Вместе с отгулами выходило месяцев по восемь. Билет туда и обратно оплачивал прииск. Потом повстречала Валерия, твоего отца. Первым родился Лешка. – Она тяжело вздохнула. – Ты его, наверное, и не помнишь.

– Помню, – поспешно сказала дочь. – Ведь он всего на десять лет старше. Мне семь было, когда его посадили. Правда, больше не видела. Он...

– Бандит он, – сердито перебила ее мать. – Мы с отцом, когда он первый раз отсидел, все для него сделали. И на работу устроили, и...

Она закашлялась. На губах появилась розовая пена. Испуганно ойкнув, Ника метнулась на кухню и вернулась со шприцем. После укола матери стало легче. Немного полежав с закрытыми глазами, она глубоко вздохнула.

– Я ведь на съемку не по своей воле пошла. Отец ваш картежник заядлый был. Хотя чаще выигрывал, чем проигрывал. – Она слабо улыбнулась. – Но однажды здорово проигрался. Мы отпуска в Сочи проводили. Ты помнишь, наверное?

– Конечно, – кивнула Ника. – Только не в Сочи, а в Лоо. Там пансионат «Магадан» был.

– Вот-вот. Там Валерка и проигрался. Все, что было, и на несколько лет вперед. Он меры ни в чем не знал. Пить – так пил. Работал как заведенный. Ну а меня он... – Согретая воспоминанием, она снова улыбнулась. – Страстно любил. Не изменял. – Мать немного помолчала, а потом, собравшись с силами, снова заговорила: – Я и работала на съемке. Золото воровала... – с болью призналась мать. Широко раскрыв глаза, Ника изумленно уставилась на нее. – Правда, потом, когда Валерка погиб, мне платить обещали. Но так и не заплатили ни разу. Я каждый раз, когда с ковриков на ленте промприбора по несколько грамм брала, думала, что все. Вот сейчас арестуют. Но, видимо, Бог миловал. Ты думаешь, почему я к Славке в Курск не еду? Ведь квартира на меня записана. Я ее на Колыме через кооператив купила. Там этот Бобров! – с ненавистью прошептала мать. – Который долг с Валерки у тех, кому он проиграл, скупил и

меня заставлял золото воровать. Я ему написала, чтобы он хоть сейчас те деньги отдал, которые после смерти Валерки обещал платить, так он хоть бы слово ответил. Я к чему тебе все это говорю... – Мать тяжело вздохнула. – Скоро Лешка должен приехать. Не знаю, почему так думаю, но уверена. Сердцем чувствую. Я ему хотела сказать. Ведь он все равно бандит и рано или поздно в тюрьму сядет. Я на Колыме, недалеко от участка, грамм двести золота оставила. Три маленьких самородка. На черный день, думала, ведь золото, оно всегда в цене. Сейчас, кажется, чернее дня уже и не будет, – с горечью прошептала она. – Да вот не забрать это золото никак. Я, когда на пенсию вышла, хотела забрать. Но как подумала, что найдут, сходила туда, замаскировала получше и уехала. Думала, пенсию большую получать буду, – виновато проговорила мать. – А видишь, как получается. Не то что мне пенсию, вам, учителям, и то не платят. Так вот, дочка... – Ее голос окреп. – Золота там, конечно немного. Но ты скажи Лешке, как приедет. Меня то он, наверное, уж на этом свете не застанет. Он с тобой поделится, – уже слабым голосом закончила она. – Лешка хоть и беспутный, но к родственникам честно относится. О тебе в письмах спрашивал. Правда, писал мало.

– Почему ты думаешь, что он приедет? – спросила Ника. – Откуда он знает, где ты? К тому же...

– Мать моя здесь жила, ваша бабушка. Так Лешка у нее часто бывал. Раз даже с милицией здесь стрелялся. Он же где-то магазин ограбил. Вот его здесь и арестовали. Мне в магазине часто в глаза тыкают.

– Я когда приехала сюда, – сказала Ника, – мне тоже часто говорили. Но он же не знает, что ты здесь. Так почему думаешь, что приедет?

* * *

– С приездом, – шагнув навстречу широкоплечему молодому мужчине, протянул руку высокий полный мужчина с загорелой лысиной.

– Добрый день, Яков Павлович. Улыбаясь, тот пожал его ладонь.

– Силен ты, Славик, – тряхнул рукой Яков Павлович, – прямо богатырь былинный.

– Да вроде не жалуясь, – самодовольно расправил тот налитые силой плечи.

– Как съездил? – уже серьезно спросил мужчина.

– Через день два контейнера будут здесь, – улыбнулся Славик. – И торг удачен. Деньги почти все целы. – Он хлопнул по висящей на плече спортивной сумке. – Вы правильно туда партию фруктов отправили. Они там в большой цене. Тем более по весне.

– Я же там жил, – напомнил Яков Павлович. – Так что запросы известны. Брал пушнину у артельщиков?

– У них сейчас один хозяин, – засмеялся Славик, – Лев Антонович. Вам, кстати, большой привет от него, звал в гости.

– Ну уж нет! – Яков Павлович засмеялся. – Как говорят в популярной комедии, лучше вы к нам.

– Значит, он приедет сегодня, – с сожалением проговорил лежащий на кровати атлет с сигаретой в руке.

– Наверное, уже приехал, – посмотрев на настенные часы, сказала молодая женщина.

– Так мне пора! – Вскочив, атлет стал одеваться. – Твой-то мне по фигу, но если папуля твой про нашу любовь узнает... – Застегнув молнию, усмехнулся. – А мне еще лет двадцать прожить охота.

– Да Славка нужен ему только для дела, – фыркнула женщина. – У него знакомых много на Колыме. А чем здесь за пушниной гоняться, лучше там ее оптом брать. Тем более Славик это делает быстро и почти даром. Он же жил там, прежде чем на юрфак поступил. А вот ты, Эд... – Она укоризненно покачала головой. – Только и знаешь, что кулаками да ногами махать.

Конечно, это хорошо, когда мужчина сильный, – закрыв глаза, томно прошептала она. – Чувствовать под руками сильное, гибкое тело намного лучше, чем покрытые жиром мускулы. Но раньше Славка тоже не таким был. Это сейчас все забросил. Так, иногда в теннис поиграет, и все. Так что...

– В общем, как всегда. – Шагнув к кровати, Эд наклонился и поцеловал ее в губы. – Ты хищница, Ленка! – Он с трудом освободился от обвивших его шею рук. – Особенно это проявляется в постели.

– Я позвоню, – сказала она ему вслед.

– Ты узнал, о чем я просил? – спросил Яков Павлович пьющего кофе Вячеслава.

– Сейчас это почти невозможно, – сделал глоток, покачал головой тот. – Это раньше «Аэрофлот» пользовался полным доверием. На чем и играли многие. Ведь с Магадана, в сущности, путь один – авиация. Можно, конечно, по волнам, но все порты были закрыты. И в основном пассажиров не брали. Да и знаете, Яков Павлович, конечно, вы голова и решать вам. Но, на мой взгляд, с металлом связываться не стоит. Себе дороже выйдет. Во-первых... – Он загнул указательный палец. – Сразу большую партию взять в одном месте не удастся. Не то что бы добыча золота стала хуже, просто сейчас в основном артели. А у них, конечно, нет того размаха, что был у государства. Они работают день и ночь, но теряют в количестве. Артельщики не понимают, что хозяин-предприниматель не сможет обеспечить постоянный подъем работы. Там вечная мерзлота. Следовательно, необходима специальная техника. Взрывчатка, масла, бензин и прочее. Конечно, купить золото стало очень просто. Но вывезти... – Вячеслав развел руками. – С этим государство пока справляется. Ужесточен контроль во всех аэропортах, даже на внутренних линиях Колымы. Я уже не говорю о рейсах на материк.

– Все это я знаю, – согласился Яков Павлович. – Я же сам некоторое время жил на Колыме. А уж бывал там по роду работы ежесезонно. Но понимаешь... – Он вздохнул. – Не буду перед тобой лукавить, Славик. Ведь ты мне вместо сына. Ленка – она очень родной человек, но женщина. А значит, и той душевной близости, что у нее была с матерью, нет. Ты же знаешь, я ее с шестнадцати лет один ращу. Ведь сколько раз жениться мог... – Яков Павлович засмеялся. – ан нет. Дочь поднимать надо. И слава тебе, Господи... – Он перекрестился. – Получилось. Только вот одно плохо – когда вы меня внуком побалуете? Или внучкой? – Он махнул рукой. – Что-то не торопитесь вы. Ладно, если бы бедствовали. Но ведь в достатке живете.

– Так вот именно поэтому и не торопимся, – сказал Вячеслав и, увидев непонимание в глазах Якова Павловича, объяснил: – Скоро выборы. Вдруг коммунисты к власти придут, тогда ведь, всех, кто что-то имеет, на улицу повыкидывают. А плодить нищету... – Вячеслав усмехнулся. – Нет смысла. Да и желания тоже. Вот если бы гарантия была, то...

– Это что-то новое, – засмеялся Яков Павлович. – Из-за нестабильности в политике детей не рожают. Что же касается возвращения коммунистов, то они уже не те. Поверь мне, многие вкусили прелести так называемых рыночных отношений и делают себе приличные деньги. Конечно, опасность все-таки существует. Хотя бы из-за того, что они ратуют за восстановление СССР. Я думаю, немногие страны СНГ захотят этого. Некоторые, без сомнения, – да. А другие... – Он покачал головой. – Яркий пример тому Чечня. Но, впрочем, хватит о том, что будет. Хотя думать об этом, конечно, следует. Но демократию коммунистам хотя бы в ближайшие годы не отдадут. Что же касается продолжения рода... – Он замялся. – Ладно, в другой раз. А насчет золота ты подумай. Оно деньги во все времена и при всех режимах. Конечно, из-за килограмма или даже десяти я на риск не пойду. Минимум килограммов пятьдесят. – Увидев удивление на лице Вячеслава, засмеялся. – Я думаю не только о себе. Ну ладно, – отпустил он зятя, – иди. Ленка, наверное, уже заждалась.

– Придурки, – обхватив голову руками, протяжно простонал невысокий мужчина с седым ежиком. – Болваны. Так попасться. Почему не оказали сопротивления?! – взорвался он.

– Хотя бы потому, – хмуро ответил Грач, – что это было бесполезно. Деньги они все одно забрали бы. И нас бы положили. Подумайте сами, Федор Матвеевич. В этом случае вмешалась бы милиция. И не столько искала бы убийц, сколько узнавала причину нападения. Ни для кого не секрет, что я доверенный человек Трофимова. Извините, – вздохнул он, – но ваша репутация не на высоте. Все знают, что вы делаете большие деньги, помогая отмывать барыши преступным группам. Кроме этого...

– А то, что я отдал товар бесплатно?! – зло прервал его Трофимов. – Как это? Деньги исчезли! Бобр отдал их мне! Но я не получил их! А ему на это чихать!

– Пусть не сейчас, – твердо проговорил Грач, – но мы найдем тех мерзавцев в масках. Деньги вернутся. Сейчас надо выяснить, кто мог навести на меня. Ведь я специально, чтобы не вызвать никаких подозрений и избежать проверок на дорогах, поехал на «москвиче». То, что это были не люди Бобра, однозначно. Он коммерсант, птица высокого полета. У него есть боевики, способные совершить нечто подобное. Но слишком мала сумма. Навел кто-то из вашего окружения. – Он взглянул на Трофимова. – Потому что...

– Почему вы ехали проселочными дорогами? – подозрительно спросил Трофимов.

– Во-первых, – спокойно сказал Грач, – проселочными гораздо спокойнее. Там если и попадутся гаишники, с ними договориться гораздо проще, чем на трассах. Во-вторых, я поехал, как вы говорили, чтобы увидеть прибытие нашего товара и, загрузив вагон пушниной, отправить его в Орел. Но человек Бобра сказал, что пушнины пока нет, и заплатил по счету. Мы сразу поехали назад. Остановили нас после переезда, в лесополосе. Хрен его знает, сколько бы мы там просидели, если бы меня мужик до кольцевой не довез. А им клей оставил. Они меня с объездной и подобрали... – Он кивнул на парней.

– Значит, говорите, снайпер там был? – зло покосился на парней Трофимов.

– Сначала был, – поморщившись, честно признался старший группы. – Мы там магнитофон нашли. Вот он и орал периодически... – Зная, что хозяин терпеть не может, когда при нем матерятся, зло блеснул глазами.

– Да уж слышал. – Махнув рукой, Трофимов неожиданно тонко рассмеялся. Стоявшие перед ним растерянно переглянулись. – Как они вас? – Посмеиваясь, издевательски посмотрел на них Трофимов. – Как малышей-несмышленишей. Пистолеты-то у них не водяные были? – Не зная, что не далек от истины, махнул рукой и вышел. Остановившись за дверью, глухо бросил: – Я пришлю Геннадия. Деньги нужно найти. И мне нужны эти умельцы. Найдите их.

Удивленно посмотрев на блондина, Маршал улыбнулся.

– Лихо, – пробормотал он.

– Мне чертовски захотелось их хари увидеть, – подмигнул ему блондин. – Жаль, не дождался того, кто ходил снайпера искать. Видел я, как он там лазил. Только вы работать начали, две тачки с орловскими номерами прут. Хорошо, я шипов набросал. Там сейчас, наверное, затор.

– Что ты позади, я знал, – кивнул Маршал. – Опасался, что с другой стороны кто-нибудь поедет.

– Исключено, – весело засмеялся блондин. – Я там объезд поставил и знак: ведутся дорожные работы. Остановился, в кусты зашел и туда рванул. Хорошо, машин не было. Убрал знаки и назад. В общем, вез я его долго, – снова захохотал блондин. – Нас эти три козленюшка на объездной достали. Рожи от ярости перекошены. Я им хотел намекнуть про автоматы... – Сложившись от смеха, прижал руки к животу.

– Ладно, – не поддержал его веселья Маршал. – Вот твоя доля. Исчезай. Потому что ты человек залетный и тебя могли срисовать. Я чуть задержусь. Трофимов начнет концы искать, это ясно. Хочу помочь ему.

– Не понял? – вопросительно взглянул на него блондин.

– Он будет искать, кто навел. Я ему отдам того, кто ему нужен.

– Все равно не въехал, – признался блондин. – Но у тебя котелок варит. Я сегодня отчаю. Если понадобится или припечет – вот. – Он протянул листок. – По этому адресу можешь заскочить. Если даже меня там не будет, знают, куда я упылю.

– Ну, а ты, – держа листок двумя пальцами, Маршал щелкнул зажигалкой... – Знаешь, куда заходить. Там без атаса.

– Как она? – тихо спросил высокий плечистый парень с сумкой в руке.

– Плохо, – печально вздохнула Ника. – Лекарство нужно. А где денег взять? Можно, конечно, Славке позвонить. Он, наверное, даст. Но не буду! Он, сволочь, квартиру матери занял и носу не кажет. Два раза за три года приезжал. И то раз за свининой, а второй, когда...

– Ника, – услышала она голос матери и бросилась в комнату. – Кто там?

– Толик.

– Здравствуйте, Зинаида Степановна. – Толик вошел в комнату. – Я вот из магазина иду. Хлеба для вас купил, сахару взял. И варенья клубничного принес, бабушка дала.

– Спасибо тебе, милый, – устало улыбнулась женщина. – Ника, – посмотрела она на дочь, – дай мне чаю с вареньем.

– Да, мама.

Обрадованная тем, что мать хоть чего-то хочет, девушка бросилась на кухню.

– Толя, – тихо сказала Зинаида Степановна, – присядь.

Парень поставил сумку у двери и осторожно присел на стул.

– Я давно хотела с тобой поговорить, – прошептала она. – Любишь Нику?

– Люблю, – вздохнул он, – я бы...

– Я знаю. Это, может, и нехорошо, – скорее для себя, чем для него, прошептала Зинаида Степановна. – Но по-другому нельзя. Ты только не оставляй ее. Ника хорошая. Она в Анадыре педучилище кончила. Тут как раз мать моя померла. Мы приехали на похороны, да так и остались. Я-то ведь уже на пенсии. Раньше по-северному вышла. Да вишь... – Она горько вздохнула. – Приболела. Но я зачем все это говорю? – Замолчал, прислушалась. С кухни донеслось звяканье ведра. – На Колыме я золото спрятала, – прошептала Зинаида Степановна. – Немного. – Увидев округлившиеся глаза Анатолия, с трудом приподняла сухую руку, положила пальцы на его колено. – Это грех, – прошептала она. – Знаю. Но я для чего тебе это говорю... Съезди туда. Я скажу, где золото. И к кому подойти, чтобы вывезти, скажу. Это пусть небольшие деньги. Атак... – Она заплакала. – Без денег ничего не будет. Вы молодые, вам ведь и одеться...

– Зинаида Степановна, – пробормотал потрясенный Анатолий, – но ведь это преступление. То есть я хотел сказать...

– Боишься, – поняла она. – Ника говорила, ты смелый и сильный парень. Ты же на границе служил?

– Да, на китайской.

– Тогда знаешь, что такое сопки.

– Я не знаю, зачем вы это говорите, но...

– Ты подумай, – прошептала она. – И если решишься, то приди. Только торопись, Толик. – Она закашлялась. – Видишь, – сказала Зинаида Степановна, – у меня рак. Мне жить совсем мало осталось. Ты решай быстрее.

– Вот чай, – ответить Толику помешал голос Ники.

– Я люблю тебя.

Ткнувшись губами в холодные губы жены, Вячеслав встал с кровати. Набросив на голое тело халат, посмотрелся в зеркало.

– Пойду душ приму, – сообщил он и игриво предложил: – Не желаешь?

– В другой раз. Если бы ты знал, – усмехнулась она, – что...

Резко зазвонил телефон. Лениво протянув руку, Елена взяла трубку.

– Да?

– Елена. – Она узнала голос отца. – Где Вячеслав?

– В ванной, – улыбнулась женщина.

– Пусть немедленно приезжает ко мне! Немедленно!

– Я не понимаю вашего волнения, – пожал плечами рослый мужчина с тонкими черными усиками. – Ну и что...

– Ты идиот, Григорий! – ожег его злым взглядом Яков Павлович. – Трофимов может подумать, что это мои люди напали и забрали деньги.

– Не думаю, – спокойно возразил Григорий. – Он не настолько глуп, чтобы, даже подумав так, – усмехнулся он, – сказать вам об этом. Ведь в его разговоре с вами не было ни малейшего намека на то, что он может так думать. Трофимов просит вас помочь разыскать этих специалистов. Знаете, – засмеялся он, – не хотел бы я оказаться на месте Грача. Двадцать минут сидеть, боясь пули снайпера, и потом узнать, что угрозы выкрикивал магнитофон. Неплохо бы узнать этого снайпера поближе.

– У тебя есть такая возможность, – сухо заметил Бобров. – Ты прямо сейчас начнешь заниматься поиском этих, как ты соизволил заметить, умельцев. Не знаю, почему, но мне кажется, что информация, которую получили налетчики, исходила от кого-то из наших людей.

– Не думаю, – возразил Григорий. – Взяли они Грача с парнями на территории Курской области. А маршрут могли знать только люди Трофимова.

– Почему же, – услышали они голос вошедшего Вячеслава, – именно этой дорогой наш человек ездит в Орел. Так что, вполне возможно, наводка исходит от кого-то из наших людей. Если я правильно понял, – подошел он к Боброву, – поэтому вы меня вызвали?

– Понял ты совершенно правильно. Но позволь спросить: откуда ты об этом узнал?

– Обижаете, Яков Павлович, – засмеялся Вячеслав. – По дороге я встретил нескольких человек из вашего круга. По-моему, о том, что Трофимова облапошили в грубой форме на сто десять миллионов, знают все.

– Сумма, как это всегда бывает, – засмеялся Бобров, – немного завышена. Но это не важно. Мне нужны люди, совершившие налет. Все. Разумеется, живыми.

– Трофимов наверняка желает того же, – сказал Григорий.

– Допускаю, – улыбнулся Яков Павлович. – Но у нас разные причины, хотя желания совпадают. Ты, Григорий, – перешел он к делу, – проверишь всех уголовников. Вполне возможно, что кто-то из них знает о налете не понаслышке. За полезную информацию плати не скупясь. Ну, а ты, – повернулся Бобров к Вячеславу, – немедленно отправляйся в Орел. С тобой будет работать Птицын. Он уже там. При разговоре с Трофимовым не переборщи с сочувствием. Он очень самолюбив. А мне он пока нужен.

– Но, Яков Павлович, – удивился Вячеслав, – мне же завтра нужно встречать контейнеры.

– С этим управимся без тебя, – отрезал Бобров. – Вплотную занимайся налетчиками.

– Понятно, – вернувшись к «вольво», кивнул плешивый мужчина лет сорока. – Ждали они вас недолго.

– Почему ты так думаешь? – удивился стоявший рядом Грач.

– Я не думаю, а знаю. На месте, где они наблюдали за дорогой, нет ни одного окурка. Хотя у реки, где оставляли лодку, окурков полно. Видно, знали время. Взяли вас и на лодке на тот берег. Там наверняка была машина. Что вы не дернулись, – сказал плешивый, – поступили правильно. Снайпер сидел на дереве. Он бы вас, как ворон, перещелкал. Колесо он вам прострелил?

– Он, – кивнул Грач. – Мы из колеса пулю достали.

– Где она? – тут же спросил плешивый.

– Да там... – Грач пожал плечами. – В гараже, где «москвич» стоит.

– Что же вы мне сразу не сказали? – разозлился плешивый.

– Слушай, Птицын! – буркнул Грач. – Ты на полтона пониже базарь! Я тебе...
– Я работаю! – резко перебил его Птицын. – И говорю так, как хочу. Все претензии к Федору Матвеевичу.

– Вечер добрый, – улыбнулся Маршал открывшей дверь плотной женщине.

– Здравствуй. – Она прижалась к его груди. – Заходи.

– Ты одна?

– Конечно, так что можешь смело...

– Я, собственно, не за этим. Я в Курск еду. Ты скоро домой тронешься? Если есть желание, поехали. Устанем, где-нибудь остановимся. Представляешь, – улыбнулся он, – ночь под звездным небом.

– А ты, Артем, поэт, – удивилась женщина. – Я сейчас соберу вещи, и поедем.

– Ты ничего не слышала? – присев на стул и закуривая, спросил он.

– Нет. – Складывая одежду в сумку, женщина покачала головой. – А что я могла услышать?

– Именно об этом я и спросил, – засмеялся он.

– Ты знаешь... – Открыв косметичку, женщина подошла к зеркалу. – Я сегодня Птицына видела. В магазин ходила, смотрю, он из машины выходит. С ним Юрка Грачев был и еще трое парней.

– Кто он, этот Птица? – насторожился Артем.

– Бывший следователь по особо важным делам, – подкрашивая губы, невнятно проговорила женщина. – Сейчас у Боброва работает. То ли консультантом, то ли сыщиком. Или, как сейчас говорят, частным детективом.

– А почему же не следователем? – поинтересовался Маршал.

– Вытурили его за что-то, – укладывая косметичку в сумку, сказала она и шагнула к Маршалу. – Ну что, пое...

Резкий удар снизу вверх в подбородок отбросил ее назад. Ударившись затылком о треснувшее зеркало, женщина тяжело упала на пол.

– По дороге тебя со мной могли заметить, – словно оправдываясь, сказал Маршал. – А жить тебе нельзя. Судя по всему, этим делом и Бобр занялся. Он мужчина очень серьезный. Надо сделать так, чтобы труп нашли люди Трофимова. В этом случае милиция об убийстве знать не будет, а Федор Матвеевич получит ответ о наводчике.

Надев тонкие перчатки, Маршал взял женскую сумочку и накиннул длинный ремешок на шею женщины.

– Здесь открыто, – раздался вместе с шумом открывшейся двери мужской голос.

Маршал мягко прыгнул к двери в комнату и щелкнул выключателем.

– Лилька! – раздался громкий голос. – Ты где? Тебя Трофимов зовет!

«Как я вовремя», – сжав пальцы на рукоятке пистолета, подумал Артем.

Дверь от толчка ногой открылась. В дверном проеме показался человек.

– Сучка, – буркнул он. – Ты что, тварь, в прятки играть надумала!

– Чует кошка, чье мясо съела, – усмехнулся другой человек.

Маршал, прижимаясь спиной к стене, не шевелился. Тень в освещенном квадрате открывшейся двери шагнула вперед, зашарила рукой по стене.

– Заходи, – легко толкнул его в спину второй. Маршал резко ударил носком ноги в живот первого и, рванувшись вперед, сильно толкнул охнувшего мужчину в грудь. Прыгнув, обрушил рукоятку пистолета на его товарища. Оба упали. «Вот Трофимову и сообщат», – усмехнулся Маршал. Шагнув к двери, прислушался. На площадке было тихо. Маршал дернул на себя дверь, выскочил. Бросив быстрый взгляд на лестницу, сунул пистолет в подмышечную кобуру, захлопнул дверь и начал спускаться. Перед тем, как выйти на улицу, остановился. У подъезда стояли «жигули», откуда слышалась быстрая музыка, в такт ей дергался огонек сига-

реты. «Он сейчас никого не видит, – усмехнулся Маршал. – Мне надо срочно делать ноги. Впрочем, немного подожду, – неторопливо шагая к выходу со двора, передумал он. – Надо узнать, почему Бобр в это влез. И увидеть следователя по особо важным. Русский Шерлок Холмс, – с иронией добавил он. – Тебе лучше свои познания не проявлять, – мысленно посоветовал он незнакомому Птицыну, – потому что все люди смертны».

– Откуда ты его знаешь? – спросил скуластого парня Кошей.

– Я знаю его столько же, – лениво проговорил парень, – сколько и ты. Это Ванька его знает, – он кивнул на потягивавшего из банки пиво Зверобоя.

– Не больше, чем вы, – сделав глоток, усмехнулся тот. – Он с моей сеструхой роман крутил. Звали его Витькой. Потом, когда она предложила одного фирмача завалить за хорошие бабки, мы сработали с ним на пару и свалили. У него ксива уже на Димку была. Да мне хрен с ним, как его зовут. Он мужик башковитый. Запала с ним еще не было. И бабки клевые маем. С моей мускулатурой, – насмешливо проговорил он, – только писарчуком в конторе работать. Хорошо, я с семи лет в секцию стрелковую ходил. Я и стрелять начал, потому что прочитал про Зверобоя. Меня так и во дворе звали. В армию пошел, в железнодорожные попал. Меня ротный засек. Я стрелял уже здорово. Вот и сунули меня в хозвзвод. Числился прачкой, – засмеялся Иван, – а сам постоянно на стрельбище или на соревнованиях. В общем, отслужил клево. Приехал домой, сеструха с каким-то «новым русским» шаталась. Я туда-сюда сунулся, нигде на хрен не нужен. Может, и пристроился бы куда, да желания особого не было. Потом этого «нового русского» вместе с тачкой взорвали. Мне сеструха и предложила одного толстячка шлепнуть. Сразу не соглашался, – усмехнулся он. – Как это, думаю, человека убить. А если честно, тюрьмы боялся. Потом Маршал появился. Ну и как-то сумел убедить меня, что это на пользу обществу. С тех пор уже полгода я с ним. Точнее, когда нужен, он меня находит. Я просто город называю, где буду, он и появляется. А в этот раз сказал, что еще двое нужны. Я вам и предложил.

– Я только откинулся, – признался Кошей. – За бакланку сидел. Сосед, сука, матери в рожу въехал. Я ему череп кирпичом пробил. Четыре и накатили. Тоже не знал, что делать. Знакомые звали в кодлу. Ну что-то вроде рэкета. Если бы его не встретил, – кивнул он на скуластого, – точно бы, писанулся. А когда Влас мне предложил работу, с ходу согласился, мы с ним на уши стали ребятишек заезжих ставить. Вы-то откуда друг друга знаете? – неожиданно спросил он.

– Опомнился, – засмеялся Влас. – Жадность фраера губит. Я когда предложил ему пять «лимонов» сработать, он был готов прямо с ходу идти. Даже не спрашивая, что почем, – снова засмеялся Влас. – А с Ванькой мы с детства знакомы. И в армию вместе призывались. Только меня в морпех взяли. В отпуск поехал, одному пижону харю раскроил. За что – не помню, пьяный в дупель был. Вот вместо двух в армии – треху в зоне. Если честно, боялся, что двушку дадут, тогда дисбат. А там, говорят, караул. Ты на полгода раньше вышел, – сказал он Кошее. – Я откинулся, домой приехал. Мать умерла. Рак у нее. Отца, ты знаешь, – взглянул Влас на Ивана, – не было. Нагуляла меня маман, – он усмехнулся. – Вот я и рванул в Орел к тебе, Кошей. Ты же звал. Мол, все путем будет. Приезжаю, Колян чуть с голоду не подыхает. Ну и начали мы на выездах челноков теревить. Конечно, не помногу брали, но на жизнь хватало. Слышь, Ванька, – обратился он к Зверобою, – ты как увидишь Маршала, скажи, чтоб нас в виду имел. Кто он и так далее, мне безразлично. Мне – как шло, так и ехало. Но, чувствую, с ним можно дела ворочать. В общем, перебазарь с ним. – Лады, – кивнул Иван. – Ему вы тоже вроде подходите.

– А кто Белый? – вспомнил Кошей.

– Про него я вообще ни хрена не знаю, – признался Иван. – Белый и Белый. Наверное, сидел мужик. У него наколки есть. Вы-то на хрен накололись? – осуждающе спросил он.

– Да вроде, как все, – нехотя ответил Николай. – У меня только здесь. – Он коснулся груди. – Череп и молния. За это и прозвали Кощеем. А это еще в профтехучилище, – показал он кисть правой руки с именем «Таня». – Усмехнулся. – Тогда имена девчонок вроде модно было колотить. Сейчас жалею, хотел вывести, но не вышло.

– А у меня с армии, – сказал Влас, – якорь на фоне земного шара. У нас в роте так один спец делал.

– Вообще-то нам уезжать надо, – напомнил требование Маршала Иван. – Но ничего не поделаешь. Как я ее, суку, подвернул... – Он посмотрел на замотанную ступню. – Дня через два в норме будет, и свалим.

Птицын, сунув руки в карманы, медленно ходил по квартире.

– Кто она? – остановившись у тела женщины, спросил он.

– Работала бухгалтером в филиале банка Боброва, – ответил Грач. – Затем, не знаю за какие заслуги, он перевел ее к себе. Она ездила...

– Она могла знать о передаче денег? – раскачиваясь с пяток на носки, перебил его Птицын.

– Конечно, – кивнул Грач. – Она и дорогу знала. Думаешь, она?

Птицын достал трубку, начал набивать ее табаком.

– Если бы была она, – пояснил свое сомнение Грач, – сыграли бы под ограбление. Да и этих кретинов замочили бы.

– В этом случае могла вмешаться милиция, – тихо сказал Птицын. – А вас же не перестреляли там... – Он махнул рукой. – Значит, ребята просто обрезают концы. Убивал ее профессионал, – уже для себя вслух констатировал Птицын. – Они вошли потому, что видели свет. В прихожей включили сами. Лихо он их отработал. – Тонкая улыбка скользнула по его бледным губам. – И никого похожего на ум не приходит. Но новичок так хладнокровно сработать не смог бы. Он вырубает ее, – начал восстанавливать ход событий Птицын, – надевает ремешок от сумочки. В это время входят они. Дверь была не заперта. Он убивает ее, правда, не совсем понятно как, выключает свет и ждет, пока войдут эти мудаки, – брезгливо посмотрел он в сторону сидевших на полу у стены двух крепких мужчин с перевязанными головами. – Спокойно уходит. Он уверен, что, когда они очнутся, позвонят Трофимову. Значит, нужно проверять его знакомых, – пробормотал Птицын. – О том, что вместо оговоренного бартера будут отданы деньги, она знала. Дорогу тоже. Когда она приехала в Орел? – Он взглянул на Грача.

– Три дня назад. Она сообщила время и место. Мы отправили вагон с хрусталем. В обмен должны были получить...

– Это меня не интересует, – прервал его Птицын. – Значит, время и место, – задумчиво проговорил он. – Выходит, о том, что бартер не состоится, она знать не могла. Значит, кто-то другой... – Он покачал головой. – Ее просто подставили. – Не прикуривая, Птицын сунул трубку в нагрудный карман пиджака. – Ты говорил, что тебя подвозил какой-то мужик на «запорожце», – вспомнил он, обращаясь к Грачу. – Можешь обрисовать его?

– Вообще-то да, – не совсем уверенно ответил Грач. – Такой белобрысый. Крепкий мужик. В темных очках. Спокойный. Правая ладонь перевязана. Жарко было, а у него рубашка даже на верхнюю пуговицу застегнута. Дубина деревенская, – пренебрежительно добавил он. – Куница ему сто баксов давал за клей. Так он возмущаться начал. Куда...

– Поехали ко мне, – перебил его Птицын. – Попробуем фоторобот составить.

– Во, – обрадовался шагнувший следом за ним Грач. – У него чуть выше правой брови, вот тут, – коснулся он лба, – такой след небольшой. Ну, не шрам, – попробовал попонятней объяснить он, – а так...

– След от ожога, – подсказал Птицын.

– Точно, – облегченно кивнул Грач. – Как будто приложили что-то раскаленное и сразу убрали.

Рука Птицына, скользя в боковой карман, достала продолговатый конверт. Взглянув на Грача, он сунул конверт обратно.

– Поехали, – сказал Птицын.

Птицын уже сел в машину, когда, осветив фарами их «фольксваген», подъехала «вольво». Из машины быстро вышел Вячеслав.

– Геннадий Семенович где? – спросил он остановившегося Грача.

– Здесь, – отрывая дверцу, нехотя отозвался Птицын.

– Здорово. – Вячеслав пожал ему руку. – Ну что? Вышел на кого-нибудь?

– Больно ты шустрый, – усмехнулся Геннадий. – Одно можно сказать с уверенностью: работали профессионалы. Эти парни знали, кого берут. У меня сложилось мнение, что они о чем-то хотят поговорить с Трофимовым. Потому, – ответил он на удивленный взгляд Вячеслава, – что они делают все, чтобы делом не занималась милиция. То есть в чем-то подыгрывают Федору Матвеевичу. Ведь не в его интересах, если делом начнут заниматься органы.

– Ему, кстати, оттуда уже звонили, – усмехнулся Вячеслав. – Мол, слышали, что тебя накрыли на энную сумму. Предлагали помощь. Он довольно успешно разыграл негодование. Ведь ты знаешь, что Трофимов одно время был начальником железнодорожной милиции. Потом...

– Попался на вымогательстве с кооперативов, – перебил его Птицын, – с помощью группы крепких парней. То есть возглавлял группу рэкетиров. Учитывая его заслуги, а скорее всего, умение дать кому и сколько нужно, с почетом проводили на заслуженный отдых. Сейчас – весьма уважаемый бизнесмен. Создал банк. По области имеет два или три, точно не помню, филиала. Но это только видимая часть его деятельности. Впрочем, ты сам все знаешь, – смущенно улыбнулся Геннадий. – Ты ответь мне на один вопрос. Он не касается этого дела. Как давно ты видел своего брата?

– Знаешь... – Вячеслав задумался. – Даже не скажу. Мы с ним и раньше не особо поддерживали контакты. Когда я поступил на юрфак, а позже работал в прокуратуре, он вообще на мне, как говорится, хрен забил. Почему ты спросил? – насторожился он. – Неужели думаешь, что я навел брата-уголовника...

– Да перестань, – прервал его Геннадий. – Как ты можешь такое подумать? Просто я как-то вспомнил Алексея. Ведь я как раз начинал дело о его нападении на инкассатора в Туле. Он тогда еще милиционера ранил. Но потом перевели меня...

– Слышал, – кивнул Вячеслав. – Ты, говорят, его подстрелил.

– Я стрелял, – усмехнулся Птицын, – если честно, на поражение. Он, сволочь, колеса нашей машине прострелил, я выпрыгнуть успел. Думал, всем хана пришла. А он бежит в нашу сторону. Говорил, оружие собрать хотел. Я прицелился ему в голову и выстрелил. Но он ушел. Задел его слегка. Ты-то от кого слышал? – спросил он.

– Если думаешь, что от Лешки, – засмеялся Вячеслав, – то разочарую. Мне Яков Павлович сообщил.

– Значит, брата ты давно не видел, – вздохнул Геннадий. – Интересно, сидит он сейчас или на свободе?

– За инкассатора ему пятнадцать давали, – вспомнил Вячеслав. – Матери сообщили. Она еще на Колыме жила. Мы редко, но писали друг другу. К восьмидесяти седьмому он отсидел пять. Значит, под амнистию попасть мог. Тогда одну треть от оставшегося срока сбрасывали. Так что может быть на свободе.

– Здравствуй, тетя Груша, – весело приветствовал Белый копавшую огород пожилую женщину.

Воткнув в землю лопату, она с трудом распрямилась, приставила ладонь к бровям, всмотрелась.

– Леший тебя забери, – удивленно проговорила женщина. – Ляксе́й, ты? – Не веря своим глазам, всплеснула руками.

– Я, – засмеялся он.

– Откель же ты взялся-то? – протерев очки и всматриваясь в его лицо, спросила женщина.

– Да так... – Он неопределенно махнул рукой. – В отпуске. Я сейчас по заграницам плавать начал, – поставив чемодан, сказал он. – Два года около Африки были. Там...

– Твоя Африка не в Сибири расположение имеет? – серьезно спросила тетя Груша. – Еще и номерной литер есть. – Она укоризненно покачала головой. – Про тебя же, бандитская рожа, даже в газетах писано. Дочка, Дашка, приезжает с городу и говорит: про Лешку Иванова в газете писано. Что ж ты мне брехать-то стал? – укорила она красного от смущения Белого.

– Кому же охота говорить, что в тюрьме сидел? – пробормотал он.

– Оно, конечно, верно, – рассудила тетя Груша. – Пойдем, морячок. – Кряхтя, взялась за поясницу и двинулась к дому. – Накормлю тебя, горемычного. А то ведь в морях-океанах совсем небось не кормили? Харя-то у тебя гладкая.

– Так я уж год скоро будет, как вышел. Подняв чемодан, Алексей шагнул следом.

– На вид ты мужик справный. Счас чем занимаешься? Чай, воруеть? Или в мафию вступил? Тама ведь все бандюги околачиваются.

– Я вольный казак, – захохотал Белый, – и никому на верность не присягал. А Даша где сейчас?

– Так в городе, – поднимаясь на крыльцо, ответила она. – С Магадану уехала вслед за твоими. Ника, как учительницей стала, зараз с Колымы сбегла. И мать твоя тоже. Они, бывало, писали мне. Из деревни, где мать Зинкина жила. Ведь она три года назад померла. Да и Зинка вроде как плохая.

– Что с ней? – быстро спросил Белый.

– Так, наверное, на нервах жила баба, – снимая чугунок и ставя его на стол, сказала тетя Груша. – Ты же супостат еще тот. Думаешь, легко матери про сына-бандита в газетах читать? Чай, не в космос полетел, а в тюрьму отправился... – Продолжая ворчать, налила в глубокую тарелку щей. Отрезала два куска хлеба. – Вот сметана. – Достала поллитровую банку. – И горчица есть. А хочешь, хрену дам. Крепкий, зараза.

– Что же Даша тебе огород копать не приехала? – Алексей взял ложку.

– Сын у нее заболел. С мужиком-то она разошлась почти сразу, как сын родился. Помнишь, наверное, Костю? Вот за него Даша и пошла. Говорила я ей, дурехе: намучаешься. Так нет... – Она махнула рукой.

Белый, не слушая, с удовольствием ел вкусные щи.

– Уф, – положив ложку, выдохнул он, – давно такой вкуснятины не едал, спасибо.

– Может, еще? – явно довольная похвалой, предложила старуха.

– Можно, – засмеялся Белый.

– Далеко ль путь держишь?

– Да, наверное, к матери заеду. – Он взял ложку. – Вот тебе с огородом помогу и туда.

– Правильно, – обрадовалась тетя Груша. – А то одной, ой, как несподручно. Годы не те, ранее, бывало...

– Ты это... – нерешительно начал он. – Ну, короче, – уже раздраженно произнес, потому что не знал, как сказать, не вызывая подозрений, – не говори никому, что я в тюрьме сидел. А то мало ли что. Какой-нибудь чертило магазин подломит, участковый меня возьмет в оборот.

– Да что ты, – махнула она рукой. – Конечно, не скажу. Говорить буду, что племянник с Севера приехал. Тута все знают, что Дашка на Севере была. Да и я тоже. Но я раньше съехала. Ведь старше твоей матери на восемь годов.

– Они едят вам? – быстро работая ложкой, спросил Белый.

– Дашке пишут, – сказала тетя Груша. – Она и твои письма мне читала. Я в газетах еще могу читать, и то с трудом. Очки новые надобно. А пенсию не платят. Хорошо, огород большой. Да еще корову пополам с соседями держим. То есть она моя, – объяснила тетя Груша, – а стоит у них. Мне дают по пять литров молока, ну и сметану, что соседка делает, пополам. Сена с двух усадеб хватает.

– Мать давно заболела? – спросил Белый.

– Да ты никак и не знаешь, – всплеснула она Руками. – Ну, конечно, ты же не писал им. И мне не велел. Я молчала про тебя.

– ...Скорей бы каникулы, – вздохнула Ника. – Надоело все. Еще в институт ехать. – Порывисто сунув в пакет тетради, снова вздохнула. – Даже не знаю, как маму оставляю. И ехать надо. Еще два года. Может, зря я на заочное поступила? – Она посмотрела на Анатолия. – Ведь все равно из деревни теперь никуда не уеду. Думала, получу диплом, и прощай, сельская школа, – иронически улыбнулась Ника. – Наверное, я давно уехала бы куда-нибудь. Или челноком бы стала. А здесь си...

– А как же я? – тихо спросил Анатолий. – Ведь люблю я тебя. Выходи за меня, – видимо, не в первый раз сказал Толик. – Дом у меня хороший, бабка оставила. Ваш продадим. Сейчас покупатель быстро найдется. Здесь же, видишь, сколько летом дачников или черт знает, как их назвать. Из Москвы, из Питера приезжают. Мать, конечно, с собой возьмем. Прокормимся. Два огорода. Свиной купим. Да и платить начнут когда-нибудь, – хмуро закончил он.

– Толька, Толька, – горько улыбнулась Ника. – Не смогу я огородами да свиньями жить. И так, посмотри, на что руки стали похожи. – Вздохнув, покачала головой. – Парень ты хороший. Нравишься мне. Наверное, даже люблю я тебя. Но сам подумай: как мы жить будем? На что? Свадьбу справить – и то, самое малое, миллиона три надо. Это еще очень скромно. К тому же мама больна. Я вот не знаю, что с институтом делать.

– Ты поезжай, – сказал Толик. – Я присмотрю за тетей Зиной. Ну, я имею в виду – накормить, – заметив ее ироническую улыбку, смутился он. – А все остальное – буду медсестру звать, Таньку. Она же ходит к вам. Ну, а я ей чем-нибудь помогу.

– Хороший ты, Толик, – подойдя, Ника положила руки ему на плечи. – Скажи, только честно, почему ты в деревне остался? Тебе же предлагали...

– Ты знаешь, почему, – перебил Толик. – Люблю я тебя. Все у нас хорошо будет.

В его глазах Ника увидела уверенность. Он принял какое-то важное для себя решение.

– Поцелуй меня, – закрывая глаза, шепотом попросила Ника.

– Это интересно, – пробормотал Бобров. – Значит, они дорогу как бы блокировали?

– Да, – услышал он голос Вячеслава. – Поставили с двух сторон знаки. Дорожные работы и объезд. Там действительно есть объездная дорога. В прошлом году расширили дорогу...

– Ну, а когда уходили, – перебил его Бобров, – кто снимал знаки?

– Не знаю... Но то, что...

– Я не люблю неопределенности, – обрезал Яков Павлович. – В конце концов, я вам с Геннадием за это плачу. Мне нужны факты, а не домыслы. Зарубите это себе на носы. Прошло уже два дня. По-моему, и дураку ясно: чем больше времени проходит, тем больше у налетчиков шансов остаться неизвестными. Через три дня жду с подробным отчетом. Где Птицын?

– Он пошел к своим знакомым по работе, – сразу ответил Вячеслав. – Может, что-нибудь в разговорах всплывет, может, видели кого-нибудь из знакомых бандюг. Ну, в общем...

– Через три дня жду с отчетом, – сухо перебил его Бобров и повесил трубку.

– Я слышал, у отца неприятности? – спросил атлет.

– Не у него, – спокойно ответила Елена. – Хотя перехватили деньги отца. Но он уже отдал их людям Трофимова. А тех кто-то ограбил.

– Много взяли?

– Не знаю. Меня это не интересует. А ты пришел, чтобы узнать про ограбление? – Она сердито посмотрела на него.

– Конечно, нет, – засмеялся он, – просто слышал разговор, вот и захотел узнать поподробнее. Иди ко мне, – раскрыв руки, позвал он.

– Не пойму, чего ты хочешь, – испытующе посмотрел на Боброва седой бородастый человек. – Затеял игру в сыщиков. Зачем тебе нужны эти придурки с пушками? Неужели мало своих солдатиков?

– Просто любопытно, – засмеялся Яков Павлович. – Кто посмел поднять руку на Трофимова? К тому же там и мое имя. Ведь деньги везли мои. То есть они были уже его, – с улыбкой поправился он, – но платил я. К тому же Трофимов мне как компаньон пока выгоден. Он устраивает меня во всем. Так почему бы не помочь?

– Что-то ты темнишь, Яшка, – покачал головой седой. – Уж я тебя хорошо знаю. Не будешь ты за просто так деньги тратить да еще людей посылать для помощи кому-то. Затеял ты что-то. Только вот что?

Он с явным интересом посмотрел на Боброва.

– Да мне все равно, что ты думаешь, – пожал плечами тот. – Я тебе сказал чистую правду. Мне просто интересно. Ведь эти налетчики могут и меня в чем-нибудь накрыть. К тому же, – зло блеснул он глазами, – наводку дал кто-то из моих людей! Значит, я просто ради своей же безопасности должен найти грабителей!

«Что-то ты темнишь, Яшенька, – мысленно усмехнулся седой. – Какую-то игру крупную ведешь. Уж не твои ли автоматчики людишек Трофимова на „ура“ взяли? Хотя нет, в этом случае ты вел бы себя по-другому. По крайней мере Птицына в Орел не послал бы. Тот просто из гордости может выйти на налетчиков. Геннадий считает себя суперсыщиком. И подыгрывать, а тем более проигрывать не умеет. Вывод прост – Яшке нужны налетчики. Зачем?»

– Как дела у тебя? – спросил внимательно наблюдавший за ним Бобров.

– Средней паршивости. Сейчас слишком много одиночек стало. И работать толком не умеют, но тем не менее клиентов стало гораздо меньше. Сейчас почти все имеют своих штатных исполнителей. Ведь это дешевле, да и надежнее. Известны случаи, когда заказчик становился жертвой. Исполнитель выходил на контакт с тем, кого должен убрать. Объяснял ему ситуацию, и тот просто платил больше. Такие случаи, конечно, единичны, но они есть и будут. Поэтому многие предпочитают иметь в своем штате личных киллеров. У тебя, кстати, на прицеле никого нет? – спросил он. – А то по-родственному за половину...

– Если возникнет такая необходимость, – перебил его Яков, – обязательно воспользуюсь твоим предложением. А сюда ты приехал не для работы?

Он нахмурился от неожиданно пришедшей ему в голову мысли.

– Разумеется, нет, – хохотнул седой. – Неужели ты можешь подумать, что я возьму заказ на тебя? Выходит, есть такие, кому ты жить мешаешь? – смеясь, спросил он.

– Я думаю, что есть, – засмеялся и Бобров. – Хотя бы потому, что я живу и процветаю. А ведь многие вроде бы устойчивые фирмы лопнули. Вот они и могут желать моей смерти. Но слава Всевышнему, что у них денег, чтобы оплатить мою смерть, не имеется. А ты, если я правильно понял, – улыбаясь, взглянул он на седого, – в гости приехал?

– Можно сказать и так, – кивнул тот. – Не стесню?

– Да что ты, Стае, – махнул рукой Бобров, – конечно, нет. Я тебе выделю квартиру...

– Мне больше подойдет какой-нибудь особнячок за городом, – перебил его Стае. – Понимаешь, у меня возникли небольшие временные осложнения с одной конторой. Вот и хочу выждать некоторое время.

– Конечно, – заверил его Яков. – Я сейчас прикажу, и тебя отвезут в пригород. Там...

– Мне бы хотелось километрах в двадцати от города, – снова перебил Стае. – И лучше будет, если ты просто скажешь, где это. Надеюсь, доверенность на машину моему человеку ты дать сегодня сможешь?

– Ну, хорошо, – немного подумав, ответил Бобров. – Под Беседином, это восемнадцать километров от Курска, есть коттедж. Вода, сауна, бассейн. Все есть. Просто внутри чуть не доделано. Понимаешь...

– Отлично, – сразу согласился Стае. – А как насчет доверенности?

– Это гораздо быстрее, чем ты думаешь, – улыбнулся Бобров.

– Пока, любимая.

Махнув рукой, атлет выскользнул в дверь. «Мускулистый идиот, – насмешливо улыбнулась Елена. – Неужели он действительно думает, что я влюблена в него?»

– Мне, Эдик, – словно он мог слышать ее, вслух сказала она, – ты нужен не для создания «мыльной оперы» «Ромео и Джульетта». Я еще девочкой поняла, что женская красота – это страшное оружие. И с успехом использую его. Сейчас мне надо узнать истинную причину, по которой отец помогает Трофимову. Просто так он этого делать не станет. В этом я уверена. Утром к нему приехал дядя Стае. Я о нем мало что знаю, но слухами, как говорится, земля полнится. Если верить этому, то Стае во времена застоя был просто наемным убийцей. Теперь он имеет штат тренированных молодых людей, для которых чужая жизнь – всего лишь заработок. Он не только убивает по заказам, но и охраняет. Отец вызвал его, или он сам приехал?

«Если вызвал отец... – сузив глаза, Елена задумалась. – Зачем? Он никогда не прибежал к исполнителям со стороны. Тогда дядя Стас приехал сам. Зачем? В гости? – Понимая нелепость такого предположения, рассмеялась. Тут же оборвала смех и потянулась за сигаретами. – Зачем отец помогает Трофимову? Даже послал туда Птицына. Следовательно по особо важным делам в прошлом. Только стал им и сразу ушел по причине болезни. Просто дело попало трудное: отец предложил выбор – либо, доказывая вину человека, он подводит его под расстрел, либо обеспечивает себе безбедную жизнь до конца дней. Птицын подумал немного и заболел. Потом сам предложил отцу услуги в качестве частного детектива. И, надо сказать, он оправдал свое звание следователя по особо важным. За что бы ни брался. Впрочем, зачем я это вспоминаю? – досадливо поморщилась она. – Чего же хочет отец?»

– Да она, по-моему, не знает ни хрена. – Достав щелкнувший прикуриватель, Эдуард поднес его к концу сигареты. – Я несколько раз как бы между прочим упоминал про налет. И тишина. Может, пахан ее не посвящает в свои дела.

– Может, и так, – согласился сидевший за рулем плотный мужчина. – Но ты все-таки поглубже попробуй копнуть. Намеков в постели бабы не понимают. Надеюсь, вы с ней не без перекура тыкаетесь? – спросил он.

– Бывает, и выпиваем, – самодовольно улыбнулся атлет. – Но, правда, перед тем как...

– Ясно, – кивнул плотный. – Так ты во время приема алкоголя и начни разговор. Кстати... – Притормозив перед светофором, он словно вспомнил: – Что ты знаешь о Птицыне? Кто он?

– Да вроде как частный детектив Бобра, – пожал плечами Эд.

– Интересно, – пробормотал Бобров, – что за неприятности у Стаса? Он сказал – с одной организацией. Что же это за организация? Что не государственная, это определено. Значит, он выполнил чей-то заказ, а родственники убитого или коллеги вышли на него. Если так, то у меня тоже возникнут трудности. Впрочем, гадать – удел слабых. Надо сделать проще. – Потянувшись к телефону, замер с протянутой рукой. – Хотя, – прошептал Яков Павлович, – если мое предположение верно, я могу сыграть на этом. Ну, вот, – упрекнул он себя вслух, – уподобляюсь тем, кто гадают.

Взяв трубку, набрал номер.

– Черт бы вас побрал! – нервно говорил Трофимов. – Милиция знает больше, чем вы! Почему ты не сказал, что тебя подвозил «запорожец»? Этого «горбатого» угнали за день до нападения на вас! Выходит, что тебя вполне мог подвозить соучастник бандитов! Даже, может, снайпер, который оставил магнитофон!

– Только не он! – уверенно сказал Грач; – Я бы узнал го...

– Идиот! – заорал Федор Матвеевич. – Голос можно было записать чей угодно! А...

– Но он спокойно поехал по объездной, – пожал плечами Грач. – Если угнал, то...

– Да ГАИ просто в голову не пришло, что «запорожец» могут угнать, – прервал его сидевший в кресле Вячеслав. – Заявление об угоне они получили только вчера. Хозяин был на рыбалке, «запорожец» у него перед отъездом на реку сломался. Он с приятелем его в гараж затолкал. Вернулся, под уху выпивали. Потом пошел в гараж, а машины нет. Как он выглядел, этот «колхозник»?

– Скорее всего, «колхозник» – не из тех, кто напал, – опередил открывшего рот Грача стоявший у окна со стаканом чая Птицын. – Просто мужик угнал «запорожец», потому что ничего другого рядом не оказалось. Кстати, так и в милиции думают. И даже примерно знают, кто. Один тракторист по пьянке жену избил. Соседу голову проломил. Вот он и угнал «запорожец». Надо искать связи убитой. Скорее всего, наводка исходила от нее. Если не от нее самой, то через нее – точно.

– Так в чем дело? – сердито взглянул на него Трофимов. – Ищите! Вас для этого сюда и прислали!

– А вот повышать голос на меня, – спокойно проговорил Птицын, – не надо. Прислали нас для того, чтобы помочь вашим. А значит, основную работу должны делать они. Помочь – значит, руководить.

Возмущенный Трофимов хотел что-то сказать, но, передумав, махнул рукой и быстро вышел.

– К вечеру мне нужно знать, с кем ее видели в последние три дня, – повернувшись к Грачу, сказал Птицын и отпил чаю. – Опроси всех, кто видел ее в это время. Кто-то должен был видеть ее с убийцей, потому что она, впустив его, повернулась к нему лицом уже после того, как начала укладывать чемодан.

От сильного удара в челюсть Зверобой отлетел к стене и, треснувшись затылком, растянулся на полу.

– Вам сказано было исчезнуть, – повернулся к вскочившим Власу и Кощей Маршал.

– Да он ногу подвернул. Влас кивнул на Ивана.

– Даже если бы ему ее отпилили, – процедил Маршал, – чтобы сегодня же испарились. Его или убивайте, – бросил он быстрый взгляд на Ивана, – или на носилках тащите. Но чтобы вечером вас уже не было.

Круто развернувшись, вышел.

– Ни хрена себе, – ухмыльнулся Кощей. – За кого он нас держит? Если...

– Он правильно сказал, – со стоном поднявшись, перебил его Зверобой. – Давай за билетами. – Дотронувшись до затылка, поморщился. – Билеты бери, чтобы еще днем уехать можно было. Вечером на вокзале мусора подозрительнее. Днем как-то равнодушно ходят. Если, конечно, розыск на кого-то не объявлен. – Прислонившись к стене, попросил: – Дай воды холодной. Шишка – как яйцо гусиное.

«Придурки! – быстро шагая, раздраженно думал Маршал. – Хорошо, я решил хату проверить. Так и думал, что не уехали. А ведь их запасты могли. Сейчас Трофимов кругом информацию собирает. Так что парнишек могли и срисовать. Впрочем, уйти они успеют. Потому что костоломы Трофимова если и явятся, то под вечер. Днем они не загуливают».

Артем проехал одну остановку на автобусе, вышел и тут же остановил такси.

– До телеграфа, – сказал он водителю. – Или до любого переговорного пункта. Подождешь там, и поедем за город. Куда – скажу. Пока сам не знаю, где она живет, – засмеялся он.
– Садись, – понимающе улыбнулся таксист.

«Правильно я делаю или нет? – держа перед собой составленный по словам Грача фоторобот, задумался Птицын. – Ну, Трофимову я и не должен был говорить, – вспомнил он указание Боброва. – Но здесь, скорее всего, замешана и зять Якова Павловича. А если это только игра? – Сложив лист вчетверо, сунул в бумажник. – Тогда получается, что Бобров через Вячеслава нанял Белого, чтобы тот поставил на уши людей Трофимова? – усмехнулся он. – Об этом я уже думал, не сходится. По многим причинам. Но тогда Вячик сам решил заработать и навел братца? Не получается, – вздохнул он. – Хотя бы потому, что Вячеслав приехал в день налета и не мог знать о том, что повезут деньги. Даже если и знал, то сообщить не мог. А уж так подготовить налет можно было, только зная все заранее. Молодец Белый. Снял знаки, набросал шипов. Изменил стиль работы, – покачал головой Птицын. – Раньше на „ура“ ходил, с пальбой, а сейчас грамотно сработал. Зачем он женщину убил? – попытался понять Геннадий. – Может, действительно она наколку дала? Но все говорят, что она не знала о деньгах. Что-то не срастается, – с досадой думал Птицын. – А вдруг это не Белый? Я просто услышал о блондине со шрамом и решил, что это Иванов. То, что Грач узнал, тоже объяснимо. Я с его слов делал фоторобот Белого. Он, конечно, признал его. Ладно. – Птицын лег и закрыл глаза. – Надо будет позвонить в Москву. Узнать, нет ли подобных дел за последнее время. Может, МУР что-нибудь знает. Заодно выяснить про Белого. Он или не он? Белый работал без подельщиков. Почерк не его. Стоп! – Он порывисто сел. – А если Белый просто работал с кем-то?! Вряд ли он пойдет вторым номером. К тому же угнать сломанный „запорожец“ он просто не смог бы. Насколько я помню, в механизмах, кроме оружия, Иванов полный профан. Но уж больно похож. И шрам как раз на том месте. Ладно... – Птицын снова лег на кровать. – Будет день, будет и пища. Может, люди Трофимова что-нибудь узнают о знакомых бабы. Ведь хоть кто-то должен был видеть ее с Белым».

«Во черт, закатал вату, – выходя из автобуса с Двумя тяжелыми сумками в руках, насмешливо оценил себя Алексей. – С зоны писал ей, а про моря дуру погнал».

Тетю Грушу он помнил по Колыме. Она работала вместе с матерью в кочегарке. Одно время он даже, как говорили тогда, дружил с ее дочерью Дашкой. Тетя Груша когда-то давно была осуждена за кражу сена в колхозе и отбывала срок на Колыме. Там и дочь родила. Тетя Груша – хороший человек. Не сплетничала и ни с кем никогда не ссорилась. Когда Белый первый раз в семнадцать лет попал в колонию за угон машины, он все полтора года переписывался с Дашкой. Потом освободился. Наслушавшись в зоне о том, что все бабы шкуры, весь мир бардак, при встрече с Дашей повел себя грубо и потащил ее в постель. На этом их отношения и закончились. Тетя Груша, как ни странно, переживала их разрыв. Получив пятнадцать лет, Белый в письме к матери попросил адрес тети Груши. Жила она в Богом и людьми забытой деревушке на границе Воронежской и Липецкой областей. Ее дочь жила в Липецке. Работала на заводе холодильников. Но сейчас, кажется, сидела дома. Ее сын, решивший искупаться в жаркий весенний день в речке, простудился.

На автовокзале Алексей растерялся. Он и подумать не мог, что Липецк – такой большой современный город и поселок, где жила Даша, разыскать не так уж легко. Потолкавшись у кассы, он выругался и пошел к стоянке государственных такси. Решив больше не испытывать судьбу, попросил водителя отвезти на Матырский.

Водитель довольно долго кружил по небольшому поселку городского типа, пока не выбрался к окраине.

Дом, в котором жила Даша, оказался крайним со стороны Липецка. Расплатился с водителем и забрал из багажника сумки. Тетя Груша наложила туда банок с огурцами, помидорами, солеными грибами и трехлитровую банку молока. Именно за нее и волновался всю дорогу

Белый. Решая, в каком подъезде может быть квартира Даши, подошел к одному, чтобы посмотреть таблички с фамилиями жильцов.

– Лешка? – услышал он за спиной. Обернулся и увидел высокую симпатичную женщину с каштановыми волосами, собранными в пучок.

Он тоже узнал ее.

– Привет, рыжая, – вспомнив, как он называл ее раньше, улыбнулся Белый.

– Господи! – Она удивленно отступила на шаг. – А ты почти не изменился.

– Режим, – согласился он. – Там сидим, здесь лежим.

– Вот теперь я узнала тебя окончательно, – рассмеялась Даша. – Как тебя мать встретила, моряк дальнего плавания?

– Не бей ниже пояса, – смущенно улыбнулся он. – Я сдуру решил старушке по ушам проехать. Но она меня сразу на место поставила. Даш, – жалобно посмотрел он на нее, – куда мне это девать, все руки оттянули?

– Господи, ведь сто раз ей говорила – ничего мне не надо. Пойдем. – Она шагнула к подъезду. – Да... – Тут же остановившись, повернулась к нему. – Мне Ника письмо прислала. Просит денег взаймы. Зинаида Степановна совсем плохая стала. Ее из больницы домой месяц назад отправили. А это, сам понимаешь... – Даша тяжело вздохнула. – Умирать. У нее, как я поняла, рак легких.

– Слышь, – сразу решил Алексей, – я тебе бабок дам. Ты пошли, как будто от себя. От меня Ника не примет.

– Наверное, ты прав, – согласилась Даша, – она девчонка гордая. «Или сама заработаю, или с голоду умру», – так она мне в письме написала. И твердо обещает деньги через три месяца вернуть.

– Где же она их возьмет? – пробормотал Алексей.

– ...Значит, решил, – прошептала Зинаида Степановна. – Только я подумала... – Облизнув воспаленные губы, горько вздохнула. – Ведь грех на душу беру. Вдруг ты попадешься с этим золотом? Или сгинешь на Колыме? Там и за грамм прибить могут. Тем более если узнают, что ты приезжий.

– Не прибудут, – зло усмехнулся Толик. – А насчет того, что попадусь, это, как говорится, бабушка надвое сказала. Золото здесь можно по пятьдесят тысяч за грамм продать. У меня знакомый стоматолог есть. Даже если его там, как вы говорите, сто пятьдесят грамм, то выходит семь миллионов пятьсот тысяч. Дорога туда и обратно обойдется, самое большое, в четыре миллиона. Так что я готов ехать.

– Там больше. – Зинаида Степановна испытующе посмотрела на него. – Где-то под двести. Но, знаешь, я уже не раз пожалела, что предложила тебе это. Ведь если что случится...

– Знаете что, – грубовато перебил ее Толик, – давайте не будем гадать на кофейной гуще. Мне и самому это не нравится. Но заработать за десять дней три миллиона, по-моему, согласится любой. Мне нужны деньги, – выдохнул он, – хотя бы для свадьбы с Никой. Зинаида Степановна, – переводя тревоживший его разговор, спросил Толик, – почему вы так странно ее назвали?

– Я уже рожать со дня на день должна была, – улыбнулась согретая воспоминаниями женщина, – а бабы предложили за маслятами сходить. И ведь пошла. А на сопках и началось. Но тут мимо геологи проходили. У них топографом была женщина, Ника Карловна. Вот она и помогла разродиться. В больнице потом все врачи удивлялись, как хорошо она все сделала. Поэтому я и назвала дочь Никой. А тебе ее имя не нравится? – с легкой иронией спросила она.

– Да вы что! – Толик покраснел. – Имя чудесное. Вот она уедет в институт, на сессию, я и отправлюсь. Поездом до Москвы, оттуда самолетом. А как дальше добираться?

– Ты только ради Бога Нике ничего не говори, – снова горько вздохнула Зинаида Степановна. – А то ведь...

– Давайте не будем об этом, вы мне поподробнее объясните, как и куда ехать. И, разумеется, где золото, – совсем тихо закончил Толик.

– Ты сначала заедешь по дороге к одной женщине, – жалея о том, что она предложила парню, но понимая, что сделанного уже не вернешь, что теперь пытаться переубедить его бесполезно, сказала она. – Передашь ей письмо. Дождешься, пока прочтает. И она сама скажет, когда и куда тебе приехать с золотом. Отдашь ей, а в Хабаровске она вернет тебе золото назад.

– Точно, вернет?

– Обязательно. – Немного помолчав, Зинаида Степановна спросила: – Скажи, только честно. Тебе хочется ехать в...

– У меня просто нет выхода! – бросил он. – Зарплату постоянно задерживают. Да и платят не очень. Я люблю Нику и хочу, чтобы она стала моей женой. Но она даже говорить об этом не хочет. Не потому, что не любит меня, просто думает о будущем. Ведь не всегда это будет продолжаться, но годы уйдут. Три миллиона – согласитесь, сейчас для кого-то так, мелочь. А для нас с Никой большие деньги, и они могут решить многое. Вот только поэтому я еду. К тому же, как вы говорите, опасности практически нет. Тем более от Хабаровска я поеду поездом. Знаете что, Зинаида Степановна, – умоляюще проговорил Анатолий, – я ведь мог и не соглашаться. Просто я все обдумал и сделаю это. Только, пожалуйста, – повторил он, – давайте больше об этом не говорить. То есть о том, что, может, лучше не ехать.

– Мама! – раздался голос Ники. – Как ты?

– Она ни о чем знать не должна, – торопливо прошептал Толик.

– Как устроился?

Бобров, приветливо улыбаясь, вошел в бильярдную. Шестеро крепких парней охраняли огороженный высоким бетонным забором коттедж. У двоих были небрежно засунуты за ремни пистолеты.

– Отлично!

Стае сильным ударом отправил шар в лузу и повернулся.

Удивленно округлив глаза, Яков Павлович не смог произнести ни слова: Стае был без бороды. Его чисто выбритое лицо как бы говорило о богатырском здоровье.

– Надоела, – правильно понял он родственника, провел ладонью по квадратному подбородку и усмехнулся. – Что это на тебя столбняк напал? – Повернувшись к столу, предложил: – Может, партию сгоняем?

– Да я вообще-то поставил бильярд для гостей, – улыбнулся Бобров. – Сам даже от скуки кия в руки не беру. А ты, вижу, не забыл, – отметив резкий удар и влетевший в лузу шар, сказал он.

– Да так, – пожал плечами Стае, – балуюсь иногда. Ты что явился-то? Конечно, вопрос звучит глупо, ты все-таки хозяин. Но, зная тебя, нахожу его уместным. За просто так и муху с плеча не смахнешь.

– А если я изменился, – захохотал Яков, – и решил навестить тебя просто так? Вспомнить наши детство, юность. Все-таки жили мы вместе когда-то.

– Это было так давно, – снова наклонившись над столом, ухмыльнулся Стае, – что порой кажется, этого и не было. – Загнав шар в лузу, выпрямился. – Иногда думаю: почему так вышло? Ведь многие в детстве жили хуже, чем мы, то есть не видели шоколада столько, сколько мы, не отдыхали у моря каждый год. Ведь наш папуля, – усмехнулся он, – был на хорошем счету у партийной элиты. Он умело лизал им задницы. И точно знал, когда на эту задницу поставить клеймо. Снимали одних, некоторых даже сажали. А папуля процветал. Правда, сдох в одночасье. И с этого началась моя одиссея как киллера. Тогда этого слова и не знали. В книгах, если встречалось, внизу объяснение давали. А сейчас навтыка-ли разных словечек, порой и не выговоришь. Неужели мы действительно жили все годы развитого социализма, как дикари? Ведь даже этих хреновин, игровых приставок не знали. Видики, конечно, были, но опять-таки

у процветающих партийных. А скоро выборы. И коммуняки имеют все шансы выиграть. Представляешь? – усмехнулся он. – Президентом будет коммунист. А им одной России мало. Союз подавай. Ох, и начнется буча, – скривился он.

– Знаешь, Стае, – недовольно заметил Бобров, – давай об этом говорить не будем. Я живу тем, что есть. Придут коммунисты к власти, зальжем. Осмотримся и пойдем, чем можем заняться. К тому же сейчас уже рыночных отношений не отменишь. Попытаться это сделать силой – гражданская война. А она никому на хрен не нужна. В июне и от нас будет зависеть, кто придет к власти. Так что на выборы всех своих метлой погоню. Надеюсь, ты тоже?

– Разумеется, – согласился Стае. Достал сигареты, закурил. – Может, пояснишь наконец причину своего визита? – вернулся он к началу разговора.

– Я же сказал, – укоризненно покачал головой Яков, – только ради того, чтобы поговорить. Ведь мы братья.

– Занимались каждый своим, – хохотнул Стае. – Ты деньги делал, я из таких, как ты, тоже за деньги дух вышибал. Знаешь, – вдруг признался он, – иногда спасибо говорю дяде Вите. Это же он во мне убийца увидел. И подготовил соответственно. А бывает, ненавижу. Ведь ни жены, ни детей нет. Когда молодой был и работал, даже не задумывался. Я всех на один аршин мерил. Сейчас, когда набрал себе кодлу, меня даже боссом зовут... – Он криво усмехнулся. – Скоро полета стукнет, но все равно можно бабу путевую найти. Которая за меня, а не за деньги мои пойдет. Все-таки на черный день у меня есть капитал, но страшно. – Он поморщился. – Ведь сейчас у меня врагов больше, чем у любого из ментов. Вот и боюсь кого-то к себе вплотную допустить. Расслабишься и получишь перо под лопатку.

«Значит, он действительно от кого-то скрывается», – утвердился в своей первоначальной мысли Яков Павлович.

– Что-то у нас разговор грустный получается, – улыбнулся он. – Может, давай куда-нибудь съездим? Здесь недалеко ресторанчик есть. Кухня приличная, обслуживание на высоте. Там вполне можно дам, приятных во всех отношениях, снять. Ну так как? Поедем?

– Можно, конечно, – немного подумав, проговорил Стае, – но чуток попозже. Мне отдохнуть надо. Да и в себя прийти, – признался он. – Неприятности у меня довольно крупные были. Собственно, они еще не закончились. А кроме этого... – Он провел рукой по выделявшемуся белизной подбородку и скулам. – Надо хоть немного солнцем обжечь.

– И то верно, – легко согласился Яков. – Но праздник можно и здесь устроить. У меня знакомая банд ерша есть, – улыбнулся он, – она нам любых, каких пожелаем, пришлет.

– Нет, – категорически отказался Стас. – Сюда никого не привози. Даже из своих.

– Может, давай откровенно, – вздохнув, предложил Бобров. – Постарайся понять меня правильно. Как я понял, тебя кто-то ищет. Учítывая специфику твоих занятий, догадываюсь, зачем. Ты просто обязан сказать мне правду. Ведь вполне возможно, что они выйдут на меня. Ни для кого не секрет, что мы близкие родственники.

– Все просто, – нехотя начал Стас. – Ко мне вроде как на обучение из Краснодара прислали двух парней. Способные ребяташки. Через полгода они работали. Заказ был на одного из питерских. Исполнили они заказ отлично. Но питерские каким-то образом узнали, что работали мои. Родственники убитого потребовали головы исполнителей. Я, конечно, мог послать их, и особой волокиты бы не было. Но питерские прислали ко мне знакомого. В общем, отдал я парнишек. Краснодарские узнали об этом. И в меня уже два раза стреляли. Раз мой «горилла» успел закрыть, пуля ему в плечо вошла, другой раз случайность спасла. – Он вздохнул. – Я из машины вышел и поскользнулся. И пуля парню, который передо мной был, в лоб вошла. Я пытался выяснить, кто ко мне так равнодушен. И узнал, что одна мать, довольно крутой бабеч, уступила настойчивой просьбе любимого чада дать пройти ему курс киллера. Как ты понял, один из двоих, которых я отдал питерским, и есть ее чадо. Она говорила со мной только раз, по сотовому. И сказала, что убьет меня. Я хотел с ней разобраться наскоряк, но московские

не дали. Вот и приходится, как школяру от классной, прятаться. Сюда она не пошлет молодчиков. Хотя хрен ее знает. – Он пожал плечами. – Софка, говорят, непредсказуема. И сынка своего любила до умопомрачения.

«Так вот почему ты приехал, – догадался Бобров. – Если эта Софья начнет войну здесь, уже я с пей разбираться буду. Надо срочно узнать, кто за ней стоит. Если никого нет, то придется помочь братцу».

– О чем думаешь? – настороженно посмотрел на него Стас.

– О том, как гостей встречать, – засмеялся Яков. – Не могу же я брата на растерзание шалаве отдать.

Угрюмые глаза Стаса на мгновение согрела благодарная улыбка.

– Только ты мне объясни, – попросил Бобров, – кто именно из московских тебе запретил, как ты говоришь, нанести опережающий удар.

– Есть такие, – криво улыбнулся Стас. – О моей конторе, так сказать, школе телохранителей, знают все. Вот мне и намекнули: мол, можешь плохо кончить. Кто-то из больших чинов за этой Софкой стоит. А тут еще эти выборы гребаные! Друг на друге, суки, хотят себе славу заработать. Я и решил на время исчезнуть. Вот и приехал.

– Эти парни – твоя личная гвардия? – имея в виду шестерых во дворе, спросил Яков.

– Телохранители, – кивнул Стас. – Тертые ребята. Двое из них в Чечне были. Остальные не хуже. На ночь еще шестеро заступают. Пока бабки есть, вроде готовы своей шкурой рисковать. Но если дело до серьезного дойдет, – криво улыбнулся он, – не знаю, на кого действительно рассчитывать можно.

– Ну, если они из-за денег тебя берегут, – снисходительно пояснил Яков, – то таких и перекупить могут.

– Не всех, – возразил Стас. – Двое того краснодарского в Питер отвозили. Эта сучка как-то узнала. Она им грозит яйца отрезать. Убивать, говорит, не буду.

– Ну, тогда тебе есть, на кого рассчитывать, – засмеялся Бобров. – Яйца они свои беречь заодно с тобой станут.

– Может, ты мне еще парнишек подкинешь? – немного помолчав, попросил Стас. – Все-таки, как говорится, они здесь все и всех знают.

«Вот почему ты так неожиданно разоткровенничался, – понял Бобров. – Хочешь меня в войну с этой дамой втянуть. Умно», – мысленно согласился он, вслух с сожалением сказал:

– Да у меня все заняты. Сейчас на дорогах неспокойно. Вот парни и сопровождают машины с товаром. Но как только кто-то освободится, сразу пришлю. – Посмотрев на часы, развел руками. – Ну что же. Думал, в ресторан с тобой съездить, а заодно кое-какие дела с покупателем обсудить. Но ты пра – вильно, конечно, решил, сейчас тебе высываться рано. Я заеду потом. – Шагнув к двери, остановился. – Успокойся, справимся мы с этой сучкой.

«Где же он? – усаживаясь на заднее сиденье „вольно“, подумала Елена. Никто, когда она задавала этот вопрос людям отца, ответить не мог. Он уехал вместе с четырьмя телохранителями на недавно приобретенном „мерседесе“. – Странно. Обычно он говорит, где его можно найти в случае необходимости».

– Поехали, – буркнула она. – На дачу.

Толчком закрыв дверь, высокий плотный мужчина зло взглянул на курившего перед включенным видеомэгнитофоном Маршала.

– Так можно и пулю слопать, – бросил он. – Сколько раз говорил – не входи ко мне без меня! Если ты мне лишний раз напоминаешь, что открываешь любую дверь, то...

– Мы же не мальчишки, играющие в «казаков-разбойников», – усмехнулся Маршал. – Просто торчат на улице перед домом, по-моему, глупо, если можно подождать в доме.

– Я не могу понять, чего ты хочешь, – успокоившись и поставив сумку с продуктами на стол, бро-л плотный. – Я думал, ты уже по крайней мере километрах в ста от Орла...

– Даже больше, – засмеялся Маршал. – От Орла до Курска, – насмешливо добавил он, – сто шестьдесят.

– Зачем ты явился? – спросил плотный.

– Хотя бы затем... – Взяв стоявший у ног дипломат, пальцами выбил по крышке дробь. – Чтобы отдать тебе твою долю, Валентин. Правда, взяли гораздо меньше, чем ожидали. Так, – усмехнулся он, – для поддержки штанов. Тебе пятнадцать.

– Я же говорил, – зло бросил Валентин. – Деньги мне не нужны. Но сюда ты явился зря. Бобров вплотную занялся этим делом. В Орле работает быв...

– Птицын, – закончил за него Артем. – Знаю. Что же касается того, почему я появился, объясню: я дал им след. Не знаю, сможет ли ваш Птица-Холмс воспользоваться этим. Похоже, Белый засвечен. Так получилось, – недовольно добавил он. – Сейчас его достать, даже если захотят, они не могут. Но это, сам понимаешь, вопрос времени. Предупреждаю, – опередил он открывшего рот Валентина, – убирать Белого не буду. Почему – дело мое. И, – жестко закончил Маршал, – тебе тоже не советую.

– Вот это да, – пробормотал явно удивленный Валентин. – Чего не ждал, того не ждал. Но ты сам прикинь – если выйдут на него, то засветишься и ты. А значит, все к черту! И прощай, мечта...

– Я не из тех, кто мечтает, – прервал его Маршал. – Я живу жизнью такой, какая она есть, и делаю то, что делаю. Белый поступает так же, и он спас мне жизнь. Подробности опускаю, – предупредил он вопрос Валентина. – Просто твой план дал небольшой сбой. Если сможешь исправить, думай. Где найти меня, знаешь. Я уеду утром. Сейчас ванна и спать.

Не успел Валентин ничего сказать, как Маршал, снимая рубашку, пошел в ванную комнату.

«Думай! – зло подумал Валентин. – Это гораздо труднее, чем кажется. Он ему, видите ли, жизнь спас, – недовольно вспомнил он слова Маршала. – А то, что из-за этого уголовного могут снять скальпы с нас, его, похоже, не волнует. Впрочем, что ему терять? – усмехнулся он. – Вольный стрелок. Ни семьи, ни родины, ни флага. А если выйдут на меня...» – видимо, представив это, потряс головой.

– Валек! – услышал он голос Маршала. – Что тебе твоя разведка докладывает?

– Да, похоже, он, тварь, шпарит ее и доволен. Ведь я ему, псу, за каждое посещение плачу!

– Где ты откопал этого педика? – спросил Маршал.

– Он отсидел два года за мордобой, – ответил Валентин. – Карате занимался. Дерется действительно неплохо, я проверял. Вышел и с такими же каратека-ми начал терроризировать местные рынки, сразу два. Его, конечно, пытались осадить, аппетит ему уменьшить. Но потом его под свое крыло взял Бобров. Я воспользовался тем, что Ленка часто без мужа, и ненароком свел их. Ну и получилось. Он вроде согласился. За определенную плату, разумеется. Но, видно, просто двойное удовольствие ловит – деньги получает и дочь хозяина тыкает. А Ленка – дама в теле.

– И долго ты его терпеть будешь? – выходя из ванной и вытираясь махровым полотенцем, усмехнулся Маршал.

– А что делать? – буркнул Валентин. – Прижать его не могу. Он раскладку даст Боброву, и все.

– То есть ты себе шантажиста отыскал, – захохотал Маршал. – Он не спрашивал, что именно тебя интересует?

– Я сказал – все, что касается деятельности Боброва. У них с Ленкой довольно странные отношения. На первый взгляд, она терпеть не может папочку. В таких семьях это понятно. А на самом деле все по-другому. Они подолгу остаются вдвоем. Так...

– Она его родная дочь? – отбросив полотенце, засмеялся Артем. – А то, может быть...

– Ленка – родная дочь Боброва, – перебил его Валентин. – Как мне сказали, они вроде что-то планируют. Но никто ничего не знает.

– С чего же взяли, что планируют? – удивился Маршал.

– А что можно делать, сидя вдвоем с бумагой и ручками в руках? Кроме того, на столе карта.

– Какая? – уже заинтересованно спросил Маршал.

– Не знаю, – с досадой ответил Валентин. – Для этого я и нанял Эдика. Ему, правда, не сказал, что именно хочу знать. Но...

– Стоп, – перебил Маршал. – Теперь я, кажется, знаю, почему Бобров помогает Трофимову в поиске налетчиков. Ему нужны независимые бойцы, которыми потом можно будет пожертвовать, и это никак не будет связано с Бобровым. Он и дочь разрабатывают какое-то крупное дело.

– Черт возьми, – задумчиво пробормотал Валентин, – но тогда я останусь с носом.

– Что? – не расслышал Маршал.

– Зачем тогда нужны ему вы? – громче спросил Валентин.

– Я уже говорил, зачем.

– Но это просто предположение, – пожал плечами Валентин.

– Что-то ты, Павлюк, забеспокоился, – сказал Маршал. – По-моему, ты мне не все сказал. Может, внесем ясность? Что за игру ты затеял? И какое место отвел мне?

– Прекрати, – обидчиво бросил Валентин. – Ты сам говорил о том, где можно заработать деньги, не привлекая внимания милиции. Я предложил вариант, ты отработал его. Так о какой игре ты можешь спрашивать?

– Во-первых, – натягивая джинсы, сказал Маршал, – ты не взял денег. Потом что-то начал о мечте. Зря я не дал высказаться тебе до конца. – Застегнув ремень, он взял за ствол лежавший на стуле «ТТ». Подкинув, поймал за рукоятку и наставил ствол на отшатнувшегося Павлюка. Усмехнулся, сунул пистолет за ремень сзади и засмеялся. – Раньше ты спокойнее был.

– Уходишь? – стараясь, чтобы голос звучал спокойно, спросил Павлюк.

– Я же сказал, что уйду утром, – усмехнувшись, напомнил Маршал. – Если куда надо, топай. Только сюда никого приводить не надо.

– Разумеется, – сухо согласился Валентин.

– Отец был в коттедже? – удивленно переспросила Елена.

– Ну, – довольный произведенным впечатлением, кивнул Эдик. – Он туда какого-то мужика поселил. Такой седой, здоровый.

«Значит, отец отвез в коттедж Стаса, – поняла Елена. – Странно, почему он мне ничего не сказал? Или считает, что меня это не касается? Если так и дальше пойдет, я ни с чем останусь».

– Он вернулся? – спросила она. Эд молча кивнул и, расстегивая рубашку, сделал шаг к ней.

– Сегодня не получится, – отстранилась она. – У меня женские дела начались.

– А тобой Павлюк интересуется, – сообщил Эд.

– Как это? – не поняла Елена. – Чем именно?

– Да я не понял. – Он пожал плечами. – Что-то насчет твоих базаров с паханом. Мол, какие у них отношения. В чем согласны, а в чем нет. Ну, и так далее.

– Вот как? С чего бы это? И давно он такой интерес проявляет?

– Ну, не то что бы давно. – Понимая, что сморозил глупость, он попытался исправить положение. – Раза два просто так спрашивал.

– Но ты сказал – интересуется. А сейчас говоришь про два раза.

– По-моему, если даже раз спросит, – нашел правильный ответ Эдик, – и то уже можно сказать, что интересуется.

– Вообще-то ты прав, – легко согласилась она. Вздохнув, виновато улыбнулась. – Извини, но я устала. Иди. – Елена махнула рукой на дверь. – Я позвоню, когда в норме буду.

Когда явно недовольный Эд вышел, Елена, присев к столу, взяла сигареты. «С чего Павлюка так завол-новали наши отношения с отцом?»

Прикурив, выдохнула дым и задумчиво уставилась в окно.

Павлюк – бывший офицер ВДВ, «афганец». Работал в военкомате. Весной по всей России из-за большого недобора призывников прокатилась волна проверок. Павлюка уличили во взяточничестве. От следствия и суда его спас Бобров. Он сумел договориться с медиками и с военной прокуратурой. Сколько ему это стоило, она не знала. И Павлюк начал работать на отца. Поставлял ему молодых парней, пополнял ряды боевиков, которые порой редели. Иногда вследствие бандитских разборок – так это называлось в милицейских протоколах. Иногда, это бывало реже, кое-кто попадал в милицию. Сначала Елена удивлялась, она считала, что у отца везде есть связи, а следовательно, его людям ничто грозить не может.

«Их много, – ответил отец на ее вопрос. – Мускулистых мальчишек, возомнивших себя крутыми. На смену этим придут другие. Стоит только позвать. Когда гангрена грозит даже пальцу, я не говорю о руке, лучше пожертвовать ногтем. Конечно, при условии, что это поможет пальцу. К тому же, – со смехом закончил он, – работа правоохранительных органов должна быть на высоте».

Елена выбросила окурок в окно. «Зачем отцу понадобился Стае? Зачем он его вызвал? Неужели...»

Мелодично пропел телефон.

– Да! – раздраженно отозвалась Елена.

– Что с тобой? – услышала она заботливый голос отца. – Ты приболела?

– Я здорова, – резко ответила Елена. – Просто...

– Понимаю. Поэтому и звоню. Раньше, извини, не мог, говорить недомолвками не умею. Теперь я знаю все. И мне нужен твой совет. Приезжай ко мне, нам нужно решить, что делать.

«Значит, Валек решил меня как-то использовать, – лежа на раскладушке и уставившись в темноту, думал Маршал. – Перебил его на самом, можно сказать, интересном. Он был расстроен и вполне мог сказать истинную причину. Что не ради денег, это точно. Кроме того, он говорил о сумме гораздо большей, чем мы взяли. Что-то он крутит. Может, вытрясти из него правду? Или подождем, как будут развиваться события дальше? – Вслушался в доносившийся из комнаты звучный храп. – Это успеется. Мне ничто не угрожает хотя бы потому, что я ему нужен. А зачем, выяснится потом. Сейчас надо все-таки уснуть. – Закрыв глаза, повозился. Устроившись удобнее, расслабился. – Спать, спать. – Через какое-то время открыл глаза. – Ну да... – Маршал усмехнулся. – С мысленным внушением у меня всегда нелады были. Из-за медитации и черного пояса не получил. С чего это я вдруг юность вспомнил? К черту воспоминания. Надо будет вылавливать хороший куш. Поэтому я и клянул на предложение Валька. Думал, хоть на год хватит. За это время нашел бы что-нибудь. Этих двоих можно в команду взять. Правда, раз они уже проштрафались. Зверобою я правильно ввинтил. Буду знать реакцию этих двоих. Кощей, похоже, любит шумовые эффекты. Влас спокойнее и цену себе знает. С Белым я поступил разумно. Ненавязчиво подсказывал, как действовать. Он хищник-одиночка и в группе должен быть лидером, или ничего не получится. Так что сделал я все как надо. Конечно, плохо, что придется повторяться, – с досадой вздохнул Артем, – но что делать. На эти деньги никто из них долго не протянет, и они на что-нибудь решатся. Тем более сейчас у них оружие. Остается надеяться, что на десять дней тридцать миллионов на троих им хватит. Что они не разойдутся, это точно. За десять дней надо подготовить что-нибудь покрупнее. Примерно в этом же стиле. Чтоб органы милиции не привлекались. Сейчас можно зарабатывать большие деньги, избегая конфликта с милицией. Правда, если потерпевшая сторона найдет, убьют без суда и следствия. Как там себя Трофимов чувствует?»

– Ее видели с каким-то мужчиной, – сказал Грач. – Молодой. Широкоплечий. В общем, похож на того, кто к машине с пушкой подбежал. Я имею в виду телосложение и рост. Хари у них были платками завязаны.

– Автоматы, которые были у двоих, – спросил Птицын, – вы точно описали?

– Да хрен его знает, – поморщился Грач. – Я же говорил, небольшие такие, но мы больше в ту сторону косились, откуда снайпер стрелял. Он Кунице прямо около кроссовки пулю вкатил. Вот поэтому мы и замерли.

– Если это были автоматы, – посмотрел Птицын на рисунок, изображающий автоматы налетчиков, – то, скорее всего, самоделка. Я сравнил по справочнику с оружием подобного типа. Таких нет. Я мог бы допустить, что вы могли чего-то не заметить. Но вы все дали одинаковое описание автоматов. Впрочем, это не столь важно. Какие-нибудь особые приметы мужчины, которого видели с убитой, не сообщили? Шрам? Или, может, седые волосы? Очки?

– Темные, – радостно сообщил стоявший у двери Куница. – Зеркальные. Такие большие. Их у ЦУМа в киосках продают, – добавил он упавшим голосом.

– Отличная примета, – усмехнулся Птицын. – А самое главное – знаем, что их продают и у ЦУМа. Среди тех, кто сказал вам это, – осмотрел он всех, находящихся в комнате, – есть серьезные люди? Которые говорят, не пытаюсь подыграть вам?

– Есть, – немного подумав, что Птицыну понравилось, ответил Грач.

– Тогда сделаем так, – решил Птицын. – Ты, – обратился он к Грачу, – сделаешь это один. Беседа наедине делает человека более разговорчивым, а его слова правдивее. Пригласишь того из свидетелей, кто, на твой взгляд, наиболее правдив, в ресторан. Выберем такой, – подчеркнул он, – где солидная публика, а следовательно, тишина и покой. Трофимов выделит нужную сумму. – успокоил он пытавшегося что-то сказать Грача. – Я буду за соседним столом. Говори с ним спокойно. И между делом, ненавязчиво спрашивай о том человеке, которого он видел с убитой.

– Это ее приятельница, – несмело сказал Грач. – Баба.

– Это я понял, – улыбнулся Птицын. – Приятельница не может быть мужчиной, даже если тот голубой. И это даже лучше. Потому как женщины более наблюдательны. Так что давай выбирать ресторан.

– Черт их знает, – буркнул Трофимов. – Бобров говорит, что Птицын ас в этом деле. Не зря же...

– А ты не думал о том, – усмехнулся сидящий в кресле тучный мужчина лет пятидесяти, – что эти два сыщика только замечают следы?

– То есть? – удивленно спросил Федор Матвеевич.

– То, что слышал, – буркнул тот. – Откуда бандюги могли знать, что деньги повезут именно по той дороге? И даже...

– Лилька, – зло бросил Трофимов. – Она, шалава, навела. А те ее в благодарность убили. А перед этим морду начистили, – криво улыбнулся он. – Наверное, за то, что денег не так уж и много было.

– Это точно? – уставился на него тучный.

– Я понимаю тебя, Адам, – улыбаясь, кивнул Трофимов. – Ты очень хотел бы, чтобы я заподозрил в нападении людей Боброва. Но этот номер у тебя не пройдет. Я не потеряю его как компаньона. Скажи честно: ведь ты спишь и видишь, как бы поссорить меня с Бобровым? – Засмеявшись, не дожидаясь ответа от побагровевшего Адама, погрозил пальцем. – Не дождешься. Даже если я вдруг сдохну, Бобров с тобой не будет вести никаких дел. Скользкий ты тип, Жигун. И фамилия дурацкая. – Федор Матвеевич взглянул на помрачневшее лицо Адама. – А обидеться не можешь, потому как пошлю я тебя к едрене матери и будут твои субчики только с районных рынков деньгу получать. Охрану тебе...

– Если бы в тот раз, – перебил его Жигун, – Грача сопровождали мои парни, то он довез бы деньги в це...

– Да там и сумма небольшая была, – пренебрежительно отмахнулся Трофимов, – и имел бы я всего четыреста тысяч. Ты же шкуру за услуги снимаешь. А уж если бы кого-то из твоих придурков подранили или, не дай Бог, убили, я бы тебе еще и должен был. Ведь ты оговариваешь, что если кто-то из твоих, кто сопровождает груз или деньги, будет убит, то выплачивать энную сумму семье погибшего придется пополам. А этих рыцарей с большой дороги, – зло блеснул глазами он, – я из-под земли достану. Пусть потеряю денег в пять раз больше. Но шкуру с них сам снимать буду!

Прихрамывая, Зверобой вошел в купе. Следом – Кощей и Влас.

– Болит, стерва, – плюхнувшись на опущенную Кощеем нижнюю полку, выдохнул Иван. Смахнув с глаз потные длинные волосы, попросил: – Дайте пива. Печет на улице, как в Сахаре.

– Там, говорят, жарче, – подавая ему банку баварского, усмехнулся Влас.

– А проводничка одна – ништяк телочка, – усевшись напротив Зверобоя, подмигнул ему Кощей.

– Мне шкуры сейчас ни к чему, – положив больную ногу на полку, вымученно улыбнулся Иван.

– А я, пожалуй, попробую снять, – усмехнулся Кощей.

– Тебя, Колян, бабы и сгубят, – заметил Влас. – Сам рассказывал, что из-за Таньки...

– Да это когда было, – отмахнулся Кощей. – Она девка путная была. – Он вздохнул. И все услышали в его голосе сожаление. – Только получилось все кверху задницей. Ей чего-то возвышенного хотелось – морей с отражением звезд, солнца при дожде. Короче, – опять махнул рукой он, – проехали.

– Ты ее когда последний раз видел? – тихо спросил Иван.

– Перед сидкой, – криво улыбнулся Кощей. – Она вроде, говорят, брюхатая от какого-то умника была. Хотел я его, пса комолого, выцепить и объяснить популярно кое-что о высоких материях. Но сел.

Может, и к лучшему. Меньше червонца за этого умника я бы не получил.

– На кой мы в Воронеж катим? – спросил Николай Власа.

– Во-первых, – продолжая улыбаться, ответил тот, – это не Орел. А во-вторых, я и сам не знаю. Просто билеты туда купили.

– Больше никуда не было, – приняв это как упрек, поспешил сказать Влас.

– Вообще-то Воронеж – самое то, – сказал Иван. – Большой. Потеряться в нем нетрудно. Правда, где-то атомная станция есть. Не дай Бог, как на Чернобыле, ахнет.

– Типун тебе на язык, – плюнул Кощей.

– Даже если что-то и будет, – ответил Влас, – то после нас. Мы успеем свои «лимоны» прогулять.

– А Маршал сумеет нас найти? – немного помолчав, спросил Николай. – Ведь...

– Я знаю, где и как, – прервал его Иван. – И даже когда связаться с ним, так что успокойся. Я вижу, тебе Маршал понравился, – заметил он.

– С таким можно дела делать, – кивнул Николай.

– Мне Белый по кайфу, – сказал Влас. – У него нервов, похоже, вообще нет. Слова лишнего не сказал, когда про дело базарили. Он-то с нами или только на одном деле был? – спросил Зверобоя.

– Я сам не знаю, – честно ответил тот. – Он с нами, со мной и Маршалом, два раза работал. И сразу исчезал.

Белый встал, сделал несколько резких движений руками и приседаний. Потом выглянул из комнаты, куда его поселила Даша. Никого не увидел и в плавках, босиком прошлепал в ванную. Сын Дарьи, пятнадцатилетний парнишка, здорово похожий на мать, сегодня первый день

пошел в школу. Наскоро умывшись, Алексей вернулся в комнату, оделся и пошел на кухню. Двухкомнатная квартира была чистая. Вроде, на взгляд Алексея, и обставлена неплохо. Он сказал об этом Даше, когда они встретились.

«Ты так считаешь? – грустно улыбнулась она. – Значит, ты знаешь, что такое сейчас неплохо. Я еле концы с концами свожу. Хоть зарплату не задерживают. Но разговор идет, что холодильники скоро перестанут покупать, и тогда все. – Она вздохнула. – Что делать, не знаю. Я же по специальности маркшейдер. Здесь, может, где-то можно было устроиться, но не получилось. Ведь если и требовались бы маркшейдеры, то только на стройку. Но у всех строителей устоявшиеся коллективы. Хорошо, у меня здесь знакомый есть. Вот он и устроил меня. Ты, наверное, помнишь Виктора Сергеевича Курова?» – спросила она тогда.

«Понятно, – вспомнив этот разговор сейчас, Белый усмехнулся. – Свекор на работу пристроил и хату сделал. А сынок ребеночка сотворил и пропал. Нет... – Намазывая кусок батона маслом, а сверху положив кусок сыра, он помотал головой. – Задерживаться здесь не стоит. А то, похоже, вполне могу не сдержаться. Фигура у Дашки... – Он восхищенно покрутил головой. – Впрочем, надо будет к матери смотаться, давненько я ее не видел. И Нику тоже. Наверное, уже замужем сестренка, – добро улыбнулся Белый. – Может, и племяшей у меня уже парочка имеется».

Узнав от Даши, что мать, можно сказать, при смерти, он больше не заводил разговора о своих. Потому что, когда вспоминал о матери, чувствовал свою вину перед ней. Про отца он как-то не думал. Плохого ничего тот при нем не делал, но к известию о его смерти – узнал об этом в лагере – отнесся равнодушно. «Да, – решил Алексей. – Еду к матери».

Услышав, что кто-то вошел, Алексей схватил топорик для рубки мяса и, прыгнув к двери, прижался спиной к стене.

– Дядя Леша! – услышал он громкий голос Дашиного сына.

Когда Алексей узнал, что мальчика тоже зовут Лешей, почувствовал непонятное волнение.

– Привет, тетка, – положив топорик, сел к столу. – Чаю хочешь?

– Нет, – входя на кухню, помотал головой мальчик. – Я совсем недавно в школьном буфете ел. К тому же мама скоро приедет. Мы вместе обедаем.

– Так она вроде к пяти должна появиться, – сказал Белый.

– Сегодня пораньше.

– Тормози, – удивился Белый. – Она же работает...

– Да нет, – вздохнул мальчик, – она не на работу поехала. Отец должен был приехать. Вот она и поехала на вокзал, чтобы он сюда не приезжал.

– Лихо, – пробормотал Алексей. – Ты откуда это знаешь?

– У нас с мамой секретов нет. – Алеша вымыл стакан, поставил его на полку. – Отец ко мне едет, – сердито добавил он, – а я его видеть не могу. Я никогда ему не прошу, что он маму бил! Никогда! Я только поэтому и в секцию карате хожу. Никогда больше не позволю ему бить маму!

– Ни хрена себе уха из петуха, – поразился Белый. – Это за что же он ее?

– Она с ним жить не хочет!

– Ясно, – только для того, чтобы что-то сказать, буркнул Белый. – А где сейчас твой... – кашлянув, вздохнул он. – Ну, Куров живет?

– Я не знаю, – вздохнул Алеша, – но приезжает часто. Правда, маму больше не бил. Я вот как научусь по-настоящему драться, все ему припомню.

– Какого хрена он лезет, – недоуменно спросил Белый, – если ему поворот от ворот дают?

– Не знаю, – пожал плечами мальчик. – Я, когда был маленьким, и не знал его. А когда в школу пошел, он появился. Все орал, что мой отец. Я ненавижу его! – уже со слезами на глазах снова крикнул Алеша и стремительно выскочил.

– Ни хрена себе, – повторил Белый, – уха из петуха.

Проходя к себе, увидел мальчика, стоявшего у окна в другой комнате. Немного подумав, Алексей взял спортивную сумку и сунул в нее пистолет. Сверху положил тренировочный костюм и короткое вафельное полотенце.

– Тетка, – как ни в чем не бывало, позвал он, – как мне до Липецка доехать?

– Можете к дороге подняться. – Не поворачиваясь, Алеша махнул рукой в окно. – Там остановка. Можете к магазину пойти. Это намного дальше. С остановки на трассе вы быстрее уедете. Там много автобусов ходит.

– Я уже говорила, – гневно произнесла Даша, – не лезь к нему! Где ты был, когда он начал говорить и спрашивал, где папа? А сейчас в тебе вдруг проснулись чувства. Мне Виктор Сергеевич объяснил причину! – Она вызывающе вскинула голову. – И он же посоветовал гнать тебя в три шеи!

– Ты это!.. – с яростью прошипел высокий крепкий мужчина в спортивном костюме. – Зубы не кажи. За...

– А ты громче, – посоветовала она. – Или сделай так, как делал всегда. Ну! – Шагнув к нему, она зло блеснула глазами. – Ты же всегда говорил, что сможешь убедить меня. Твое счастье, – проговорила Даша, – что я в тот раз Виктора Сергеевича пожалела. Он с инфарктом лежал. Но если еще раз ты посмеешь просто прикоснуться ко мне пальцем, – громко предупредила она, – будешь там, где тебе давно место!

Заметив, что на них смотрят, мужчина смущенно улыбнулся.

– Ты это, – снова, но гораздо тише и даже испуганно повторил он, – не ори. В конце концов, Лешка – мой сын, и я хочу его пусть изредка, но видеть. Имею на это полное право.

– Господи! – насмешливо всплеснула руками Даша. – О праве своем вспомнил. Тогда и я кое-что тебе скажу. Я работаю. Воспитываю сына и довольна своей жизнью. В ней места тебе нет. В последний раз прошу тебя по-хорошему: оставь нас с Лешкой в покое. Иначе тебе будет плохо. Чтобы было понятнее, добавлю: на Колыму я не поеду ни за какие деньги, понял?

Она быстро пошла к выходу.

– Сучка, – прошипел он ей вслед. – А пахан тоже хорош, – с неожиданной ненавистью вспомнил он отца. – Сам отошел и этой напел. Ну, мы еще посмотрим...

– Куда? – трогая «волгу», спросил таксист.

– Я чего, – недовольно покосился на него Белый, – непонятно сказал? В Липецк.

– Оно понятно, – шофер улыбнулся. – Но куда в Липецке надо? Город большой. Или тебе до площади Мира?

– Туда, – решил Белый, – где можно узнать, как до Тамбова добраться. На железнодорожный вокзал.

– Тогда лучше на автовокзал, – предложил водитель. – Оттуда почти через час автобусы до Тамбова идут. А по железке ты никак из Липецка в Тамбов не попадешь. Впрочем, если через Грязи, – вспомнил он, – на прицепной вагон «Воронеж – Саратов» можно сесть.

– В натуре? – подстраховался Белый.

– Конечно, – спокойно ответил таксист. – Я тещу провожал. Она в...

– Покатили в эти Грязи, – решил Белый.

– Но это, – хотел предупредить его водитель, – стоять...

– Не ломай уши, – правильно понял его Белый. – Сотни хватит? И еще полета, чтобы назад отвез.

– Конечно, хватит, – явно обрадовался таксист и развернул машину. – Грязи в другую сторону от Матырского, – объяснил он оглянувшемуся Белому.

– Ништяк, – буркнул тот. – А область какая?

– Липецкая, – засмеялся таксист. – А ты че-то, не местный?

– К жене приехал, – ответил Белый, – сына посмотреть и себя показать. Сам во Владике живу, в загранку хожу. Вот отпуск сейчас. А с женой нелады. Но сын-то мой. Вот и навещаю, как могу. Деньгами, разумеется, помогаю.

Он уже не раз рассказывал подобную легенду и поэтому говорил спокойно и уверенно. Внимательно смотревший на дорогу водитель слушал его, и у него не возникло никаких сомнений в правдивости слов выгодного клиента. За долгие годы работы он часто выслушивал разные истории. Кто-то просто выливал то, что накопилось на душе. Кто-то, таких большинство, разыгрывал из себя крутого. Он привык просто слушать, не забывая при этом кивать. Давая пассажиру возможность высказаться, можно было рассчитывать на большую плату.

Толик поднес язычок огонька к стоящей на столе керосиновой лампе, снял стекло, зажег. Криво улыбнувшись, поставил стекло, отрегулировал фитиль. Комна-ту наполнил тусклый бледно-желтый свет. «Вот жизнь качалась, – вздохнул он. – Поневоле на что угодно пойдешь». Положил перед собой листок с записями и, заложив руки за голову, откинулся назад. Ему предстояло нелегкое дело, и порой он испытывал страх. Это не было понятным перед неизвестным, тревожным волнением. Толик прекрасно осознавал, что может быть в случае неудачи – арест, лишение свободы.

Анатолий, как и все его сверстники из небольшого районного города, в свое время стремился к самоутверждению и желал выглядеть в глазах других эдаким героем. Отсюда почти постоянные стычки, причины для которых находились очень просто: недружелюбный взгляд, приглашение другим парнем на танец девчонки, которая ему нравилась, и т. д. Его мать заведовала магазином и, по отзывам всех, кто ее знал, была прекрасным человеком. Отец, некоторое время служивший в армии, потом работал инструктором-авиамехаником в авиационном техникуме. Вот уже полтора года из-за болезни сердца – он перенес два инфаркта – был на пенсии. Толик понимал, что придется испытать родителям, если с ним случится то, о чем он просто не мог не думать, хотя ужасно боялся этого. Но его, сама не замечая, подталкивала к этому Ника.

Он был готов выполнять любую работу по дому – выкармливать свиней, разводить гусей, кроликов. Учитель географии в средней школе, Анатолий не стыдился никакой работы. Он смог бы содержать семью, если бы Ника согласилась стать его женой. И мучился потому, что она, не отвергая его, не давала согласия на свадьбу.

В последнее время все чаще и чаще, чтобы снять постоянное напряжение, прикладывался к бутылке. Если еще в прошлом году он не переносил даже запаха самогона, то теперь запросто мог пропустить стаканчик в компании приятелей. В сущности, это и подтолкнуло его принять предложение Зинаиды Степановны. Ника заметила его частые «отмечания» каких-то дат и заявила, что он может потерять ее совсем, так как с пьяницей свою жизнь она не свяжет никогда. И Анатолий каждый вечер искал варианты приличного заработка и не находил. Отвергнув предложение Зинаиды Степановны сразу, он, однако, его запомнил. Встретив в городе своего одноклассника, ставшего зубным техником, как бы между прочим спросил о цене золота, понял, что он может заработать три миллиона, и задумался. А потом решил ехать. Слова Зинаиды Степановны о том, что она уже не раз пожалела о сказанном, только подзадорили его. Сразу, как только закончатся занятия в школе, отправляется в Магадан. Приняв решение, начал готовиться. Купил карту Магаданской области и прикинул маршрут. От Магадана по знаменитой колымской трассе, которая была построена на костях сотен тысяч заключенных, до прииска имени Расковой, где в свое время работала мать Ники, было около четырехсот километров. От прииска до участка – маленького поселка Артельный – было еще двенадцать километров. Мысленно несколько раз пройдя по маршруту, он пошел к Зинаиде Степановне. Она снова попыталась его отговорить. Толик сказал ей, что решил окончательно – он поедет и привезет золото. Правда, немного волновался по поводу того, как будет вывозить металл. На помощь женщины, о которой ему сказала Зинаида Степановна, он не рассчитывал.

Ведь прошло уже три года, как Ивановы уехали с Колымы. И поэтому искал возможность уйти с Колымы с золотом, благо его было не так и много. Но все варианты казались ему надуманными. Вот и сейчас, откинувшись на спинку стула, при тусклом свете керосиновой лампы он представлял, как достает спрятанное четыре года назад Зинаидой Степановной золото. Анатолий, несмотря на молодость, не был восторженным фантазером и именно поэтому заранее готовил себя к тому, что золота там и не будет. Он верил Зинаиде Степановне, но за эти годы могло произойти многое. Вполне возможно, что золото кто-то нашел. Да мало ли что могло произойти. И все-таки Анатолий поедет. Он принял решение.

Чуть увеличив язык пламени, Ника перевернула лист тетради. Быстро, но внимательно просмотрела исписанный лист. Поставив четверку – одна грамматическая ошибка и две синтаксические, – посмотрела на мать. Ее заострившееся лицо показалось ей неживым. Ника метнулась к кровати.

– Дочка, – просипела Зинаида Степановна, – помираю я.

Она хотела сказать еще что-то, но потеряла сознание.

– Мама!

С отчаянным криком Ника бросилась к двери.

– Никто ничего не знает, – с сожалением проговорил рослый человек, с черными усами.

Покручивая на указательном пальце брелок с ключами, он выжидательно посмотрел на сидящего за столом Боброва.

– Гриша, а в Орле тоже? – постукивая большим перстнем по пепельнице, не глядя на него, спросил Бобров.

– Кого я знаю, – дернул Гриша рукой, – нет. А они там козырные. Да и вообще говорят, что даже базара о том, что людей Трофимова на уши поставили, нет. Так что, может, все это блевотина?

– Иди, – отпустил его Яков Павлович. – Твои выводы меня не интересуют. Стой-ка! Ну, о каком-нибудь уркаче, который появился в последние десять дней в Орле, ничего не слышал?

Григорий помотал головой. Отпуская его, Бобров махнул рукой.

– Что ни говори, – пробормотал Яков Павлович, – а сработали ребята дерзко и чисто. Ведь все рассчитали: и деньги взяли, и преступления нет. Мне очень хотелось бы познакомиться с этими умельцами. И тогда можно было бы заняться делом. Настоящим! – Его глаза азартно блеснули. – Но для этого нужна самая малость, – усмехнулся он. – Найти их.

– Яков Павлович, – раздался по внутренней связи женский голос, – к вам Елена Яковлевна.

– Спасибо, Антонина, – как всегда, поблагодарил он секретаря.

– Добрый день.

В кабинет с улыбкой вошла Елена.

– Здравствуй, дочка.

Он поднялся, подставил щеку для поцелуя и чмокнул ее сам.

– Вот.

Усевшись, она положила на стол бланк телеграммы.

– «Умерла мама. Ника», – прочитал он. Покачал головой и вздохнул. – Похороны родителей – святое дело. Придется вызывать Славика. Ты поедешь? – зная ответ, все-таки спросил он и удивленно округлил глаза, когда услышал утвердительное «да».

Увидев реакцию отца, Елена рассмеялась.

– Хочу немного развеяться, – пояснила причину своего решения. – А кроме того, – уже серьезно сказала она, – на похороны матери может и даже должен приехать Славкин младший брат. А он – личность известная. Я бы даже сказала, легендарная. Ты ведь помнишь рассказы Птицына?

– Конечно, но я как-то не подумал об этом. А сейчас, будь добра, скажи мне, что ты хочешь от этого уголовника?

Задумчиво посмотрев на телефонную трубку, Стае протянул к ней руку и тут же отдернул.

– Нельзя, – пробормотал он. – Наверняка вычислит, где я. Черт бы их всех побрал, – вздохнул он. – Вот влип в историю. Но они-то! Сначала на цырлах передо мной ходили. Ты очень нужный человек, Станислав Павлович, – передразнил он кого-то, – ты помогаешь, уничтожая заразу, делать российский бизнес чище и доходнее. Гады! – плюнул Стае. – Ну что такого в этой Софье, мать ее! Впрочем, все, наверное, гораздо проще, – неожиданно нашел он легкое объяснение. – Киллеров сейчас хватает. А мой центр давно сидит бельмом в глазу у легавых. Может, она подвернула кому-то с большими погонами, и все. Я стал не нужен, потому как тот, с погонами, чуть нажал на крутых ребятишек из числа «новых русских». Точно, – кивнул он. – Так оно и есть. Но тогда не сегодня-завтра звякнут Яшке и объяснят ситуацию. Черт бы вас всех побрал! – прорычал он и, вскочив, заметался по бильярдной. Схватил кий, наклонился над столом. Загнал четыре шара, бросил. – Если Яшка предложит мне уехать, – покусывая губы, подумал он, – то, значит, меня могут даже из Курска не выпустить. Здесь убивать не будут. – Подойдя к окну, увидел куривших у забора троих парней. – А могут сделать и проще. – Он криво улыбнулся. – Перекупят этих, они отвезут меня куда подальше, и все. Сколько им надо, чтобы меня убить? А Яшка что-то крутит, не просто так он меня сюда определил. Может, с ним уже договорились? Но тогда он не приезжал бы сюда. Но то, что он чего-то хочет, верно. А вот чего? – Выматерившись, махнул рукой. – Самому надо решать, что делать. Здесь сиднем сидеть – тоже не выход. Вот о чем мозговать надо! А я себе голову забиваю хреновиной разной.

– Да я чего? – усмехнулся Эд. – Лично мне по кайфу спать с дочкой Бобра. Она, знаешь, какой бабец жгучий, – подмигнул он катавшему желваки Павлюку.

– Так, выходит, я тебе за твое удовольствие плачу, – процедил он.

– Да я чего? – ухмыльнулся Эдик. – Что слышал, то тебе и говорил.

– Ты мне вообще ничего не сказал! – заорал Валентин. – Не может быть, чтобы она ни разу ничего не сказала про меха! Ведь и мужик ее, Славка, в этом участвует! Он же за ними катается! В общем, вот что... – Стараясь успокоиться, он глубоко выдохнул. – Или ты начинаешь заниматься тем, за что я тебе платил... – последнее слово он произнес особенно отчетливо, давая понять, что больше делать этого не намерен. – Или у тебя будут крупные неприятности.

– Что? – захохотал Эд. – Ты меня никак пугать вздумал? Да это у тебя...

– Во-первых, – улыбнулся Павлюк, – это только слова. Тогда как то, что ты спишь с Ленкой, – неоспоримый факт. Бобру это не понравится, – смеясь, заверил он нахмурившегося Эдуарда. – Я уже не говорю о Славке. Тот, по-моему, тебя с дерьмом съест и не подавится. Доказать это я смогу. Да Ленка сама признается. Она на Славика забила большой и со свистом. А то, что она постоянно с кем-то крутит, знают все. Ленка и сама об этом говорит. Так что подумай, что с тобой будет?

– Подожди, – заволновался Эд. – Я, конечно, мог бы все это выведать. Но понимаешь, – развел он руками, – я не при делах буду. Как я понял, ты хочешь на эту пушнину лапу наложить. А что с этого буду маять я? – Он усмехнулся. – Хрен да немножко. Давай начистоту.

Павлюк удивленно смотрел на него.

– Ты вводишь меня в курс дела, и работаем вместе. К тому же тебе это выгодно. Ведь мои парни, бывает, встречают груз. А за те крохи, которые ты мне отстегиваешь, только и можно, что баб шпарить. Для поддержки организма. Ленка – ненасытная тварь, – дотягиваясь, буркнул он. – Я уже похудел...

– Ладно, – прикинув варианты и решив, что в кое-какие детали Эда посвятить можно, согласился Павлюк. – Насчет мехов ты прав. Я нашел покупателей. За меха можно получать гораздо больше, чем берет Бобр. Говорить об этом ему мне невыгодно. Потому как останусь

с носом. Мне нужно знать, кто и по какой цене отпускает ему товар. Чтобы разобраться со Славиком на Колыме, у меня люди есть. Они сработают чисто. Первые партии, когда я узнаю все, они же доставят сюда. Ну, а тогда, я думаю, с Бобром можно будет говорить на равных. Захочет войны – вообще все потеряет. Бобр – мужик неглупый. Он умеет извлекать выгоду из любой ситуации. К тому же в деньгах почти не проигрывает. Ну, может, самую малость.

– Вот это да, – покрутил головой ошарашенный Эд. – У тебя не голова, а дума.

– Надеюсь, не такая же бестолковая, – внезапно обиделся Валентин.

– Я имел в виду Дом Советов, – поправился Эдуард, – так бабка говорила.

– Ладно, – усмехнулся Павлюк и перешел к делу: – Сколько у тебя парней, которым ты можешь доверять?

– Минимум восемь. Я с ними...

– Слушай, приятель, если мы в чем-то дадим маху, нас просто шлепнут. Поэтому к дьяволу минимумы и максимумы. Бобр наверняка сначала попробует с помощью Титова устроить разборку. Так что...

– Гришка на Бобра давно зуб точит, – усмехнулся Эд. – Павлович его на чем-то подловил, вот и держит, как сторожевого пса, на цепочке. Так что с Титом перетереть это дело можно.

«Выходит, я правильно открылся ему», – довольно улыбнувшись, подумал Павлюк, а вслух сказал:

– В общем, ныряй к Ленке и попробуй закинуть пробную удочку. Может, она клюнет. С папой отношения у них не родственные. По крайней мере мне так кажется.

– Так про это все говорят, – согласился Эдуард. – Ты мне конкретнее скажи, что именно я узнать должен.

«Вот, значит, кто у него агент, – ухмыльнулся Маршал. – Но что он хочет? Занять место Боброва? Навряд ли. Башка у него, конечно, варит. Но связей, которые есть у Бобра, нет. А значит, и не выйдет ничего».

Проснувшись в шесть утра, он разбудил Валентина, сказал, что уезжает, и ушел. Позавтракав и побродив по городу, отправился искать такси, на котором можно было бы останавливаться там, где надо и на сколько потребуется. Около часа он потратил на поиск машины с водителем, который понравился бы ему. Он верил в первое впечатление о человеке. И за много лет ни разу не ошибался. И вот уже минут сорок наблюдал за Валентином, который разговаривал с атлетически сложенным молодым мужчиной. Если сначала разговор у них, судя по жестике атлета, был нервным, то позже они, видимо, пришли к соглашению.

Вскоре Павлюк вышел из подъезда. И почти сразу напротив него остановилась темно-синяя «семерка», в которую он сел. Машина тут же тронулась. Маршал молча кивнул на нее. Водитель поехал за «Жигулями».

Отъехав от дома, в котором жил Валентин, «семерка» остановилась. Таксист удачно встал. Маршал видел сидевших Валентина и атлета и не опасался, что те могут заметить его. Поняв, что собеседники пришли к соглашению – они пожали друг другу руки, – Артем сказал водителю, чтобы тот отвез его на железнодорожный вокзал. «Значит, я был прав, – подумал он, – Валек действительно что-то мутит. А на кой черт ему понадобился я, выясню позже. Пора навестить семью».

– Ты? – Вячеслав удивленно округлил глаза.

– А ты кого-то ждешь? – притворно обиженно спросила вошедшая Елена.

– Да нет. – Он пожал плечами. – Просто...

– Я, можно сказать, – перестав играть, серьезно начала Елена, – с черной вестью.

– Мама? – сразу спросил он. Она молча протянула ему телеграмму. Вячеслав порывисто вздохнул, опустил голову.

– Отец знает? – тихо спросил он.

– Конечно. – Елена кивнула. – Он и отправил меня, чтобы я сообщила тебе. Поедем сейчас или утром?

Вячеслав взглянул на нее.

– Надеюсь, ты не против? – спросила Елена.

– Конечно, нет! – воскликнул он. – Просто...

– Здорово удивлен, – закончила за него Елена. – Но, надеюсь, ты помнишь, что я твоя жена? А против Зинаиды Степановны я никогда ничего не имела. Мы с ней и виделись-то всего раза три. Так когда поедем, – повторила она свой вопрос, – сегодня или завтра?

– Что-то непонятное.

Птицын допил лимонад, к радости обслуживающего его официанта – сидит час, а пьет только лимонад, – встал и, положив на стол деньги, пошел к выходу. Проводив его взглядом, Грач довольно улыбнулся.

– Может, потанцуем? – предложил он сидевшей напротив молодой женщине.

– Я уже почти час жду, – кокетливо улыбнулась она, – а тебя, похоже, больше тот мужик, который с Лилькой был, интересует. Юра... – Понизив голос, женщина наклонилась вперед. – Правда, что Трофимова ограбили?

– Нет, – кратко отозвался он. – К тому же зачем тебе это? Лучше пойдем потанцуем.

«Странно, – усевшись за руль „восьмерки“, доверенность на которую выдал ему Трофимов, думал Птицын. – Она так уверенно описывала его, что сомневаться в том, что это не Белый, не приходится. Неужели Белый работал вторым номером? – повернув ключ зажигания, удивился он. – А почему вторым? Просто кто-то дал ему наколку, и Белый... – Птицын посмотрел на подъезд ресторана. – Но Грач и те трое одинаково описали внешность того человека. И женщина тоже. Из этого следует, что налет задумал и осуществил именно он. Но тогда, выходит, Белый на вторых ролях? Может, я сам себя запутал? – подумал он. – И подвозивший Грача человек только похож на Белого? Скорее всего, так и есть. Грач только что испытал потрясение и не мог оценивать ситуацию трезво. Тем более – точно запомнить кого-то. Ведь остальные на мои вопросы о том, кто дал им клей и посадил к себе в машину Грача, только пожимали плечами. Наверное, мне просто хотелось, чтобы это был Белый. А кто же этот таинственный незнакомец?» Настроение у Птицына было отвратительное. Один его хороший приятель всегда, разумеется, за хорошие деньги выдавал информацию, которая интересовала Геннадия. Но в этот раз он с сожалением сказал, что ничего подобного МВД не знает. Людей с приметам, которые сообщил Птицын, в розыске также нет. Белый освободился почти год назад, попал под амнистию, но против него пока ничего нет. «Но где-то Белый был весь этот год? – трогая машину, думал Птицын. – А он не из тех, кто будет заниматься модной сейчас спекуляцией. Вот бомбить их, – улыбнулся Птицын, – в его стиле. Хотя нет, – тут же возразил он себе. – Белый не любит мелочиться и работает по-крупному. Где же он был и чем занимался этот год? Может, спросить Вячеслава? Нет, я должен сам все выяснить».

– Конечно, – вынужденно согласился Трофимов, – я понимаю. Похороны – дело, как говорится, святое. Езжай. Тем более Птицын вроде как за что-то ухватился. Как поедете? – спросил он. – Если на машине, оно, конечно, лучше, но тогда вам нужно...

– Я прилетела с телохранителем, – перебила его Елена. – И скоро здесь будут еще шестеро на двух машинах. Спасибо за заботу, но мы обойдемся своими силами.

– Зачем нам нужна такая команда? – тихо спросил Вячеслав. – Ведь мы едем на похороны, а не на разборки.

– Нам ехать почти пятьсот километров, – терпеливо начала объяснять Елена. – В дороге, ты только что слышал это от Федора Матвеевича, может случиться всякое.

– На кой хрен мы сняли хату здесь? – раздраженно спросил Кошей.

– Во-первых, – спокойно перебил его Зверобой, – здесь чище воздух и много отдыхающих. А учитывая, что в Воронеже имеется атомная станция, милиция города сейчас очень

внимательна и загребает всех, кто показался ей подозрительным. Ведь Чечня вполне может направить сюда группу боевиков, чтобы снести Воронеж, да и не только его, с лица земли. Шансов взорвать АЭС у них, конечно, нет, но попытки не исключены. А я не хочу, чтобы меня вдруг остановили мусора или омовцы для проверки. Придется стрелять, а потом и стреляться, если не хочешь сидеть. Ну и, во-вторых, – улыбнулся он, – здесь нас будет искать Маршал. Еще вопросы есть?

– Мне лично здесь нравится, – подал голос Влас. – Место тихое, спокойное. В случае кипиша можно рвануть по железке на любом поезде или электричке. А еще лучше товарняком. Да и по дороге до Новой Усмани дошел и хоть на Ростов, хоть на Тамбов дергай. И хозяйка – бабуля ништяк, – улыбнулся он. – Никаких вопросов. Бабки взяла и очень даже довольна.

– Ну, если Маршал знает, что мы здесь, – сбавил тон Кощей, – тогда ладно. Но в Воронеж-то, надеюсь, наведываться будем? Или хотя бы в Сомове?

– Обязательно, – засмеялся Иван. – Только вот нога подживет. Вдвоем-то, по-моему, вы можете куда-нибудь влезть. Тем более «дуры» есть.

– Пока «лимонов» не прогуляю, – смеясь, пообещал Влас, – никаких поездок с этим бандюгой, – кивнул он на Кощея.

– Скучный вы народ, мужики, – вздохнул тот. – Сработали мы, конечно, лихо. Но лично мне было бы приятнее, если бы мы этих педиков перещелкали.

– Так в чем дело? – усмехнулся Зверобой. – У тебя автомат был, чего не стрелял? Все трое рассмеялись.

– Мы эти стволы в ларьке купили, – давась смехом, проговорил Кощей, – потом два дня их в более или менее похожий вид приводили. Маршал, он в оружии волокет. Со стороны я и сам бы подумал, что какая-нибудь иностранная штучка.

– Давайте пожрем, – предложил Зверобой. – Бабка молока парного обещала. Сходите кто-нибудь.

Ника, в черном платке, с осунувшимся лицом, сухими воспаленными глазами смотрела на гроб, в котором лежала мать – самый дорогой для нее человек. Мама. Ника уже не могла плакать. Никто не узнавал в похудевшей, как-то сразу состарившейся женщине молодую улыбку красивую девушку. После смерти матери она ничего не ела и не спала. Отрешенная от всего мира, находясь рядом с людьми, не видела и не слышала их.

– Умом девка тронулась, – шептались меж собой всезнающие старухи. – Ежели в себя в ближайшие дни не возвратится, помрет.

Анатолий не отходил от Ники. Но та не замечала его. Она не отходила от гроба до утра.

– Девонька, – со слезами на глазах, жалостливо обратилась к ней пожилая женщина, – батюшка приехал. Пора службу...

– Да, да, – еле слышно сказала Ника. – Да, да, – повторила она. И медленно, не отводя сухих глаз от лица мертвой матери, попятилась к двери.

Провожая ее взглядами, стоявшие тесной кучей женщины горестно вздыхали и плакали.

Вернувшись из Грязей, Белый хотел сказать Даше, что завтра поедет в деревню. Но едва вошел в квартиру, открывшая дверь Даша со слезами на глазах протянула ему телеграмму. Схватив брошенную сумку, в которой были пистолет, деньги, спортивный костюм и полотенце, буркнул:

– Я туда.

Он выскочил. Бегом добежав до трассы Липецк – Грязи, через пятнадцать минут поймал такси.

– До Тамбова, – бросил Алексей. – Цена – сколько скажешь. Поехали.

Через два часа был в Тамбове. Взял стоявшего у автовокзала частника и еще через два с половиной часа въехал в районный центр Кирсанов. В деревне, где жила сейчас сестра с матерью, он бывал в детстве у бабушки. Алексей легко уговорил водителя довезти его до Марьинки.

Но, проехав километра три, такси остановилось перед разломанным мостом. Асфальтированная дорога уходила влево. А прямая, которая им нужна, была явно не проезжей.

– Ну и куда? – посмотрел на Алексея водитель. Белый хотел обматерить его, но, увидев поднимавшегося от реки мужчину с удочкой, бросился к нему. Тот объяснил, что по этой дороге уже давно не ездят. А в Марьинку надо ехать по дороге на Саратов, и там будет поворот направо. Водитель, сказав, что, кажется, знает, куда ехать, развернул машину.

Они подъехали к перекрестку с постом ГАИ. Водитель остановил машину и подошел к двоим милиционерам. Белый словно невзначай опустил руку в спортивную сумку. Таксист вернулся и тронул машину. Минут через тридцать они подъехали к указателю «Марьинка». Алексей удивленно pokrutil головой. Он думал, что легко найдет дом, где жила бабка, но не смог ничего узнать. Проходившая мимо женщина объяснила, куда им ехать. Увидев дом матери и вдруг почувствовав сухость во рту, буркнул:

– Здесь.

Отдав деньги, вылез. Провожаемый любопытными взглядами, вошел.

– Да это ж Лешка, – прошептал кто-то. – Сын Зинкин. Он еще от милиции отстреливался.

Резко обернувшись, Белый ожег говорившую женщину злым взглядом. Слово поперхнувшись, она поспешила спрятаться за спинами людей. Подойдя к двери, Алексей увидел девушку в черном платке.

– Ника, – хрипло сказал он.

Вскинув голову, она взглянула на него ничего не видящими глазами. Высокий парень, шагнув вперед, встал перед Белым.

– Чего тебе? – недружелюбно спросил он.

В другое время Белый не выдержал бы, но сейчас... Шумно выдохнув, глухо сказал:

– Я брат ее.

– Алексей? – растерялся Толик и виновато добавил: – Извини. Я думал...

– Где мать? – спросил Алексей.

– Там. – Анатолий кивнул на дверь, откуда слышалось заунывное многоголосое пение. – Отпевают.

– Лешка, – шелестяще проговорила Ника. – Ты сволочь, – чуть слышно прошептала она и вяло ударила его по щеке правой ладонью. Так же несильно хлестнула левой.

Анатолий, окончательно растерявшись, не зная, как себя вести, встал в проеме двери, загородил сестру и брата от людей.

– Гад, – с плачем сказала Ника и, ткнувшись лицом в грудь неподвижно стоящего брата, громко, в голос зарыдала.

Не зная, что делать и что говорить, живший по своим законам и считавший себя неуязвимым для всяких страданий, сам приносивший горе другим, Белый растерянно замер. Чувствуя на груди подрагивавшее в плаче лицо сестры и влажную от слез рубашку, он тяжело вздохнул. Осторожно, словно боясь обжечься, положил руки на ее плечи.

– Ника, – глухо сказал он, – ты поплачь. Нельзя тебе не плакать, – словно умудренный жизнью человек, нежно добавил он. – Я успел. Извини, что раньше не мог. Не знал. – Почувствовав на глазах влагу, поспешно сморгнул и порывисто прижал к себе Нику. – Сестренка, – прошептал Белый, – прости. – Мотнул головой и, уже не стесняясь слез, всхлипнул.

– Чему обязана такой чести? – насмешливо спросила, отступив от двери, красивая блондинка.

– Только тому, – улыбнулся Маршал, – что ты есть. Можно? – спросил он.

– Конечно, не следовало бы. – Она покачала головой. – Но за такой комплимент не впустить тебя просто невозможно. Входи.

– Ты одна? – спросил он.

– Если ты думаешь, что каждый раз будешь избивать моих поклонников, – засмеялась она, – то вынуждена тебя разочаровать. Сегодня у меня не приемный день.

– Мне нравится быть исключением из правил. Закрыв дверь, повернулся к женщине.

– Здравствуй, Ирина.

Она без улыбки смотрела ему в глаза.

– Целоваться мы не будем, потому что...

– Потому что ты дурак, Артем, – перебила его Ирина. – Ведь все могло быть...

– Давай не будем делать предположений, – прервал ее Маршал. – И остановимся на том, что есть.

– Хорошо, – кивнула она, – но, по-моему, поцелуй нам совсем не помешает.

Она обхватила его за шею и впиалась в губы.

– Вот теперь узнаю свою Ирку, – прошептал Маршал.

– Я тоже узнала своего мужчину.

Ухватившись руками за отвороты его рубашки, рывком разорвала ее. На пол посыпались пуговицы. Подхватив на руки, Артем понес ее в комнату.

– Пойдем, – остановив у подъезда «ауди» и подняв с заднего сиденья звякнувшую стеклом бутылок большую кожаную сумку, позвал молодой мужчина в красном пиджаке. – Я ее, сучку, сейчас заставлю подружку притащить. Или, может, – смеясь, спросил он, – ты ее трахнешь?

– Может, не стоит? – зевнув, сказал сидевший за Рулем накачанный «бритый затылок». – Сейчас в Центр двинем.

– Нет, пойдем. – «Красный пиджак» шагнул к подъезду. – Она, сучка поганая, думает, что я так все оставляю. Я ей сейчас праздник устрою.

– Ты откуда взялся?

Ирина, вытирая мокрые волосы, вошла в комнату в длинном распахнутом халате. Маршал, лежа на кровати, курил.

– С улицы, – улыбнулся он. Взглянув на нее, покачал головой. – Ты прекрасна, как богиня секса.

– Ты где-то научился комплименты делать, – рассмеялась она.

– Это только тебе, – сказал он. – То есть при тебе я могу говорить их, не переставая.

– Вот как? – Ирина, улыбаясь, покачала головой. – Давай проверим, – предложила она. –

Начинай.

– Твой взгляд подобен солнечному свету, – чуть нараспев начал Маршал, – а голос – звону ручейков весенних...

– Хватит, – засмеялась Ирина. – А то я прямо сейчас начну упрашивать тебя стать моим мужем.

Она хотела сказать еще что-то, но длинный звонок заставил ее недовольно повернуться к двери.

– Странно, – пожала плечами Ирина. – Сегодня я никого не ждала.

Маршал вскочил и мгновенно натянул джинсы и рубашку. Запахнув халат, Ирина пошла к двери.

– Кто? – громко спросила она.

– Где соседка?! – услышала злой мужской голос. – Открывай! Она у тебя прячется! Сейчас повеселимся на славу!

– Никого у меня нет! – сердито ответила Ирина. – Убирайся!

Замолчавший было звонок затрезвонил снова.

– Кто это? – тихо спросил Маршал.

– Да к соседке, – рассерженно произнесла Ирина. – Придурок один. Новым русским себя зовет. Нацепил красный пиджак и думает, что все, блатнее его нет.

– Чего он хочет?

– Рядом одна женщина живет. Он ей проходу не дает. Везде трезвонит, что это он ей квартиру купил. Она, мол, использовала его и теперь не пускает.

– Может, так оно и есть? – поморщился Маршал.

Звонкая непрерывная трель действовала на нервы.

– Да нет, она мать-одиночка. Ее мужа восемь лет назад убили в Афганистане.

Дверь уже трещала под сильными ударами.

– Я сейчас милицию вызову! – крикнула Ирина.

– Давай! – захохотали за дверью. – Тогда даже суток не проживешь! Отдай мне Светку!

И сама гульнешь! У меня для тебя кавалер есть.

– Сейчас, в натуре, милиция прискочит, – проворчал Маршал. Он подошел к двери. – Слышь, земляк, – сказал спокойно, – давай закругляйся. А то...

– Во! – радостно возвестил голос. – У нее хахаль! Открывай, козел! – подкрепив требование сильным пинком, заорал мужик на площадке.

Маршал рывком распахнул дверь. Пригнувшись, пропустил над собой выброшенную в ударе руку и ударил мужика согнутым локтем между ног. «Бритый затылок» взвыл и присел. Боковым ударом Артем отправил «красный пиджак» под дверь соседней квартиры. Тот с криком отскочил и сунул руку в боковой карман. Маршал в прыжке дрстал его ударом пятки. «Красный пиджак» упал.

– Пошли!

Ирина выскочила из квартиры. Сунув ему спортивную сумку, захлопнула дверь, схватила Маршала за Руку и потащила вниз по лестнице.

– У него дядя – шишка в управлении, – объяснила она причину бегства, – поэтому он и делает, что хочет.

– Во влип, – буркнул Маршал. – Ты-то куда? – поймав руки Ирины, остановил ее.

– Ты хочешь, чтобы меня прибили? – вырвав руку, сердито спросила она. – Побежали к гаражу. У меня «шестерка» есть, отец оставил. Он умер месяц назад.

Маршал, оглянувшись, последовал за ней.

– Куда поедем, – доставая из сумочки ключи, сказала Ирина, – решай сам. Я от тебя не уйду как минимум неделю.

– Думаешь, за неделю они забудут? – усмехнулся Маршал.

– Через пять дней из отпуска возвращается начальник уголовного розыска, – спокойно ответила Ирина. – У меня с ним прекрасные отношения. Он сумеет поставить этого типа на место. Второй просто при нем.

– Сначала давай уедем, – предложил Артем. – Потом решим, куда именно. А то там, по моему, уже наряд милиции, а мне бы не хотелось встречаться с ними.

– Если даже наряд там, – открывая дверцу, улыбнулась она, – то они не станут искать того, кто набил морду этому Гоше. Каждый милиционер уже давно мечтает об этом, так что не волнуйся. – Ирина села за руль. – Не возражаешь?

– Только в том случае, – улыбнулся он, – если за нами не будет погони. – И спросил: – У тебя атлас дорожный имеется?

– В бардачке, – отозвалась Ирина. – Ты решил, куда мы отправляемся?

– Тамбовская область, – кивнул он. – Кирсановский район. Деревня с поэтическим названием Маринка. Или Марьинка, – поправился он. – Согласна?

– Разумеется, – тронув машину, кивнула Ирина. – Тем более что давно мечтала о деревенской тишине.

– Я туда решил ехать потому, что устал от шума городского, – спокойно сказал Маршал.

– Но ночью ехать трудно, так что...

– Перед Кирсановом у первого поста ГАИ остановимся и отдохнем. По моим подсчетам, мы должны быть у Кирсанова часа в два ночи. Главное...

– Дорогу от Пензы на Тамбов я знаю, – поняла его опасения Ирина. – А это как раз через Кирсанов.

Взглянув на светящийся циферблат часов, Вячеслав зевнул.

– Может, остановимся и подремлем? – обратился он к сидевшей рядом жене.

– Придумал, – покачала она головой, – посреди дороги. Если пост ГАИ попадет, можно остановиться.

– В нашей машине двое, – прикрывая ладонью зевок, укоризненно проговорил Вячеслав, – и за нами четверо едут. А ты...

– Часа через полтора Кирсанов будет, – сказал сидящий рядом с водителем парень, – там можно остановиться.

– Гостиница, – притормозив, сообщил водитель.

– Где? – удивленно спросила Елена, не увидев ни одного огонька.

– Указатель был. – Водитель махнул рукой влево. – А вот и дорога туда, – останавливая машину, кивнул на освещенный светом фар поворот.

– До Кирсанова еще далеко? – спросила она.

– Если верить километровым знакам, – ответил, – то...

– В чем дело?

К «вольво» подскочили трое парней.

– Сворачиваем в гостиницу, – решила Елена. – С утра тронемся.

...Сузив глаза, катая желваки, Белый смотрел на опускающийся гроб.

– Мама! – пронзительно воскликнула Ника. – Мама!

Она качнулась вперед. Анатолий, бережно, но крепко обхватив за плечи, удержал ее. Уткнувшись лицом в его грудь, она зарыдала.

– Сынок, – обратилась к Белому одна из женщин, – брось горсть земли. И ты, Ника, тоже.

Алексей вздрогнул, присел, зачерпнул ладонью землю, выпрямившись, постоял несколько секунд неподвижно и бросил землю в могилу. Услышав, как земля упала на крышку гроба, порывисто отвернулся.

– Черт ее знает! – зло буркнул Маршал. – На карте одно, а дорога другая! Куда ехать-то?

– Сейчас спросим, – сказала Ирина и открыла дверцу машины.

– Не знаю я, – пожал плечами Вячеслав. – Я здесь был всего два раза. Раз на такси приехал, второй с...

– Но дорогу-то должен был запомнить! – сердито сказала Елена.

– Да вроде весь город проезжали. Там пост ГАИ должен быть. Точно, поехали, – тронул он за плечо водителя.

– Иди, – тихо проговорила Ника, не отрывая взгляда от фотографии матери на надгробной плите.

– Вместе пойдем, – прошептал Толик. Стоявший с опущенной головой Белый, бросившись на колени, ткнулся лбом в ограду.

– Прости, мама, – уцепившись руками за прутья, проговорил он. – Прости. Конечно, надо живых беречь. – Он вытер слезы. – Прости за то, что живой не застал. А ведь мог, – с болью добавил он.

– Леша... – К нему подошла Ника. – Пойдем. Поминки...

– Иди, – не глядя на нее, попросил Белый. – Я с ней один побуду. Может, больше не придется.

Сестра некоторое время смотрела на него, вздохнула, взяла под руку Толика, оглянулась на могилу и пошла к выходу с кладбища.

– Спасибо, – улыбаясь, поблагодарила Ирина и хлопнула дверцей. – Значит, правильно нам сказали, – заметила она сидящему за рулем Маршалу. – Сейчас подъем, кладбище справа, и Марьинка начнется.

– Во прут, – увидев идущую на скорости «вольво», процедил он. – «Новые русские», мать их. Увидел номера, прищурился.

– Сзади еще одна! – предупредила его Ирина.

– Вижу, – кивнул он. Мимо них пронеслась «чероки».

– По-моему, тебе лучше вернуться, – пробормотал Маршал.

– Почему? – удивилась она.

– Номера курские, – Ответил он. – И в машинах по четверо. Так что...

– В первой сзади сидела женщина, – сказала Ирина.

– Это ни о чем не говорит, – соображая, что делать, сказал Маршал. – Дамочек сейчас специально берут. Пистолетов на нее навешают и вперед. Менты на дорогах женщин обычно не обыскивают. Если и бывает такое, то очень редко.

– Значит, ты боишься, что они едут туда же, куда и ты, – сделала вывод Ирина. – И хочешь, чтобы я вернулась. Интересно, как ты себе это представляешь? Высадишь меня на дороге в незнакомом месте и поедешь воевать с курскими? – Не давая что-то сказать, сердито закончила: – Довези меня до этой Марьинки. В деревне я найду, где мне остановиться на несколько дней. Если тебя не убьют, отвезешь меня назад.

– Хорошо, – засмеялся он, – но только при условии, что не убьют.

– Вот это да, – выглядывая окно, удивилась Елена. – Деревня вроде только вдоль дороги и строилась. Нам в какую сторону? – обратилась она к мужу.

– Кажется, вправо. Да, от магазина в сторону клуба.

– Девушка! – обратилась Елена к медленно идущим Анатолию и Нике. – Где тут женщина умерла? Иванова...

– Ника! – воскликнул Вячеслав. Он подошел к остановившейся сестре. – Почему не сообщила, что мама заболела? – укоризненно сказал он. – Я бы...

– Откуда ты взялся? – Со слезами на глазах она шагнула вперед. – Сволочь! Зачем приехал? Ника ударила его по лицу. Он отдернул голову.

– Убирайся! – взмахнула сестра другой рукой. Выскочивший из «джипа» рослый парень перехватил руку и рывком повалил Нику на асфальт. Толик ударом в челюсть сбил его. На него бросились трое из «джипа». Он успел ударить одного ногой в живот и от удара по голове рухнул рядом с пронзительно кричавшей Никой.

– Не трогайте их, – заорал Вячеслав.

– Валим! – открыв дверцу «вольво», крикнул парень, сидевший рядом с водителем.

Шедшие впереди люди остановились и зашумели:

– Да что же вы делаете, ироды?!

– Она мать похоронила, а вы!..

– Мужики! Бейте их!

Воспользовавшись заминкой боевиков, Толик подсек ногой пятки одного и, вскочив, резким боковым ударом уложил другого.

– В машину! – закричала Елена.

Увидев в руке одного из оставшихся на ногах пистолет, Анатолий загородил собой поднимающуюся Нику и уставился на пистолет. Вячеслав быстро пошел навстречу угрожающе шумевшей толпе.

– Я сын Зинаиды Степановны! – закричал он. – Больше ничего не будет!

От кладбища стремительно бежал Белый.

– Брось «дуру», сука! – крикнул он.

Парень увидел в его руке «ТТ».

Трое выскочили из машины и выхватили оружие.

– Уберите! – закричала Елена. Переглянувшись, боевики убрали пистолеты.

– Все нормально! – закричала она Белому. – Это просто для самообороны! Газовые! Как я поняла, – тише продолжила она, обращаясь к медленно приближающемуся Белому, – вы участковый. Они, – кивнула Елена, на державшего рвущуюся к Славику Нику, – начали первыми. Ударили моего мужа. Мы только пытались защититься.

– Останови народ, – прошептал Анатолий с ненавистью смотревшей на Вячеслава Нике, – а то здесь кровь прольется. У них, – он кивнул на «джип», – оружие настоящее.

– Это мой брат!

Освободившись из его рук, девушка бросилась к подошедшим к Вячеславу пятерым мужчинам.

– Не трогайте его! Он мой брат!

Удивленный словами Елены, Белый замедлил шаг и усмехнулся. Увидев татуировку у него на груди, Елена поняла свою ошибку. Покраснев, оглянулась на стоявших боевиков.

– Может, они и пушки добровольно сдадут? – сказал подошедший к ней Белый. – Суд присяжных учтет это. И даст на пару месяцев меньше. – Не выдержав, громко засмеялся.

.. Маршал усмехнулся.

– Родственные разборки, – пробормотал он. – Судя по всему. Белый с братцем встретился. Ивановы меж собой разбираются. Выяснению их отношений мешать не буду. Тут третий – лишний.

– Который? – всматриваясь в стоявшие метрах в пяти «джип» и «вольво», спросила Ирина.

– Он с бабой к «джипу» идет, – ответил Маршал. – А кто его братец, не знаю. Но то, что он здесь, уверен. Наверное, их мать умерла, – заметив черные платки на головах женщин, понял он. – И если братишки не поладят, то через три дня снова будут похороны.

– Надеюсь, ты вмешиваться в любом случае не будешь? – взволнованно спросила она.

– У меня перед Лешкой неоплаченный долг, – спокойно сказал он. – И убивать его при мне не позволю. Если все-таки убьют, то пару-тройку пристрелить успею.

– Пусть уезжает! – воскликнула Ника.

– Но это негоже, – поморщился один из стоявших рядом мужчин. – Все-таки сын он ей. Должен мать помянуть. Что у вас там между собой нелады, дело ваше. Но похороны есть похороны.

Окружившие Нику женщины оттеснили ее от Толика и, убеждая в чем-то, повели к дому.

– Здорово тебя долбанули, – увидев на виске Анатолия опухоль, сочувственно заметил крепкий мужчина в кепке.

– Пройдет, – дотронувшись до виска, буркнул он.

– Пошли, Толян, – позвали мужчины. – Все-таки похороны. Не дело мордобой устраивать.

– Да я, что ли, начал? – огрызнулся он.

– Лешка! – Вырвавшись из окружения женщин, Ника побежала назад. – Пойдем домой! Лешка! – Здорово.

Остановившись, Вячеслав протянул руку стоявшему рядом с женой брату.

Зло сверкнув глазами, тот стремительно шагнул вперед.

– Лешка! – остановил его руку громкий крик сестры.

– Псина комолая, – процедил Алексей. – Твое счастье, что вот так встретились! А то бы и твои козлята не помогли!

Шагнув к бежавшей Нике, впечатал плечо в грудь брата. Тот отшатнулся. Алексей подошел к замедлившей шаг сестре.

– Все, сестренка, – улыбнулся он. – Кипиша не будет. А Толик – молоток, – подмигнул он. – За тебя и замочить может.

– Знаешь что... – Подхватив под руку, Ника повела его к дому. – Ты хоть при людях говори нормально. Или, если не можешь, молчи. В деревне тебя и так помнят, как ты от милиции в саду отстреливался.

– Всего два раза шмальнул, – обиженно вспомнил он. – Потом...

– И не надо с ним драться, – попросила Ника. – Все-таки действительно похороны. А мы и так мамины похороны Бог знает во что превратили! Нехорошо это. Что люди говорить будут?

– Если все время думать, что другие базарят, – недовольно огрызнулся брат, – то и жить не стоит.

– Может, ты и прав, – неожиданно для него сказала Ника. – Жить должен каждый так, как хочет и может. Второе, наверное, – горько улыбнулась она, – куда важнее. Потому что мало желать, надо суметь. – Девушка замолчала и посмотрела на удивленно взглянувшего на нее брата. – Только прошу... – Ника остановилась. – Не надо больше сцен, хорошо? Я сама виновата. Но тебя-то можно понять. Ты то в тюрьме, то тебя милиция ищет. А...

– Тормози, – перебил ее Алексей. – Мусора были?

– Пока нет, но, как я поняла, ты этого ждешь. Надолго приехал?

– На пару дней, – немного подумав, ответил он. – Я мог и раньше дня на два припылить, но...

– Не надо, – поняла его сестра, – все равно ты ничего не исправил бы. Возможно, и хуже было бы. Мама о тебе последние дни часто вспоминала, – вздохнула Ника. – Упрекала тебя. Ты не злился, что я тебя так встретила, – тихо проговорила она. – Знаешь, каково мне было? На лекарство денег достать не могла. Не сердись, – попросила Ника, – хорошо?

– Базару нет, – кивнул Алексей.

– Тут милицию хотят вызывать, – подойдя к ним, сообщил Анатолий, – те, кто видел у этих, – кивнул он на иномарки, – пистолеты, вот...

– Скажи, что пистолеты газовые, – вспомнив слова женщины, сказал Белый. – Мол, все путем. Короче, чтоб мусоров не вызывали!

– Хорошо, – кивнула Ника и, сделав шаг вперед, остановилась. – Обещай, что ты ничего не сделаешь Славке.

– Сукой буду! – Криво улыбувшись, он на манер киношных героев чиркнул себя по горлу ногтем большого пальца. – Здесь ничего не будет. Но только здесь. Может, где в другом месте наши пути-дорожки пересекутся.

– Думаю, лучше уехать, – бросив окурок, сказал сидевший рядом с водителем «вольво» парень.

– Нет, – покачал головой Вячеслав. – Я должен быть на поминках матери. – Говоря это, он смотрел на сидевшую рядом жену, так как решала все Елена.

– Конечно, сказала она, – мы просто обязаны остаться.

– Она уехала, – сказал Эдуард. – У Славки мать, кажется, кони двинула. Вот Ленка и поехала с ним.

– Странно, – пробормотал Валентин. – Она, наоборот, должна была воспользоваться этим случаем. Вообще-то, может, захотела проветриться, – усмехнулся он, – или от тебя отдохнуть. Взглянув на Эдуарда, рассмеялся.

– Ну уж это, точно, нет, она от меня просто балдела. У меня все на месте, – подмигнул тот Валентину.

– Если бы ты сразу занялся делом, – вспылил Валентин, – то сейчас бы мы уже...

– Тогда я не знал ни хрена, – огрызнулся Эд. – Если бы ты сразу сказал, что хочешь меха прибрать, то я бы...

– Короче, вот что, – грубовато бросил Пав-люк. – Ты кот мартовский еще тот, поэтому потришь у девчонок Бобра из конторы и банка. Может, у них что-нибудь сможешь узнать. Мне нужны имена и адреса поставщиков пушнины. А дальше уже проще.

Бобров, отпив несколько глотков из высокого стакана, взглянул на сидевшего перед ним крепко сложенного молодого мужчину.

– Не желаете? Чистый виноградный сок. Очень полезно и вкусно, хорошо утоляет жажду.

– Я к тебе не сок пить приехал, – недружелюбно проговорил тот. – Если знаешь, где Стае, лучше...

– А вот говорить со мной подобным образом, – усмехнулся Яков Павлович, – небезопасно. Ведь вы, молодой человек, у меня в гостях. Ведь даже...

– Хорош тебе, – пренебрежительно бросил молодой. – Ты знаешь, кого напугать можешь? Я такими, как ты...

– Хорошо, – вздохнул Бобров.

Отвернувшись, потянулся за стоявшим на сейфе глиняным кувшином. Бесшумно появившийся позади развалившегося в кресле молодого коренастый кудрявый человек накинул на его шею шелковую удавку и резко дернул. Вскинув руки к горлу, молодой захрипел и тут же их уронил. Бобров, наливая из кувшина в тонкий стакан янтарного цвета жидкость, буркнул:

– Немедленно убери. Я терпеть не могу покойников.

Коренастый, обойдя кресло, рывком приподнял безвольное тело, взвалил на плечи и, так же легко ступая, вынес из кабинета.

– Ай да Софья, – укоризненно покачал головой Бобров, – прислать такого грубияна. Надеюсь, он не ее родственник, – засмеялся он. Выпив глоток, поставил стакан. – Значит, она знает, что Стае здесь.

Утром, едва он проснулся, ему позвонил Григорий и Сказал, что в офис приехал какой-то тип и настаивает на встрече с Бобровым. Кто он и зачем, объяснить не хочет. Удалось выяснить одно: он из Краснодара. Этого вполне хватило, чтобы Яков Павлович немедленно отправился в офис. С самого начала разговора краснодарский повел себя вызывающе грубо. Он сразу заявил, что прислан Софьей, чтобы узнать, где может быть Стае. И Бобров сделал то, что уже дважды случалось за долгие годы его деятельности в теневой экономике. Для этого хватило тройного нажатия незаметной кнопки.

– Его не найдет никто, – услышал он равнодушный голос.

Повернувшись, увидел стоявшего перед столом коренастого. Сорокапятилетний Игнат Яров, уголовник с большим стажем, работал с Бобровым еще в эпоху развитого социализма. Небольшими партиями вывозили с Колымы, где Яков Павлович бывал как сотрудник Министерства торговли, отвечающий за снабжение Магаданской области продуктами, купленное у диких старателей золото. Тогда это был прибыльный, но очень опасный бизнес – попытка подрыва экономической мощи государства каралась весьма сурово. Но это одна сторона медали. Не менее опасным было приобретение золота. Ибо вместо обещанного металла можно было запросто получить пулю или нож. Во время нашумевшего дела о подпольном заводе Маркизы немало дельцов получили суровый приговор. Боброва спасло то, что тогда он был в отпуске. Из-за этой Маркизы он потерял все имевшиеся у него связи. Кое-кто из поставщиков золота был убит или арестован, другие просто отошли от дел, не желая рисковать своей шкурой. Вот уже два года Бобров искал выход на большую партию желтого металла. И не находил. С государством связываться было очень опасно, и даже в случае удачного приобретения уйти с золотом с Колымы практически было невозможно. Бобров и Елена, которая загорелась идеей отца, планировали именно уход с золотом. И оба все больше склонялись к тому, что придется брать намытое за сезон золото какой-нибудь артели. Появившийся неожиданно Стае мог быть полезен. То, что его разыскивала Софья, играло Бобровым на руку. Оставалось сделать так, чтобы

предложение о золоте исходило от Стаса, а боевики у него есть. Но Яков Павлович не торопился по двум причинам: Стасом придется пожертвовать в любом случае. Но если при отработке составленного Бобровым плана Стае со своими парнями мог, взяв золото, попытаться оставить его себе, то второй причиной была Софья. Бобров навел справки и узнал, что она дочь известного в свое время золотого дельца, Вишневского Андрея Карловича, который был расстрелян в начале восьмидесятых за нападение на золотоприемную кассу где-то под Магаданом. Сам он в налете, разумеется, не участвовал, но вся группа, восемь человек, была признана бандой. Ее организатора и еще двоих расстреляли. Софья, которая сумела сделать так, чтобы с ней считались, просто не могла не знать каналов, по которым; вывозили золото с Колымы. И Бобров решил поторговаться с Софьей Андреевной. Он предполагал, что скажет ей: «Вам нужен Стас, извольте. Но, делая вам приятное, я тоже хочу греть свою душу воспоминанием о нашей встрече, тем более что Стае мне брат. Неужели он не стоит пятидесяти килограммов золота, которые я возьму сам и сам вывезу? Вам остается только назвать мне место, где я смогу взять это золото». И вот прибыл ее посланец. Если бы он вел себя, как и подобает в таких случаях курьерам, изложил суть дела и сказал, где и как Яков Павлович может встретиться с Софьей, Бобров не сразу отдал бы Стаса, но сказал бы, что может узнать, где брат находится. И если бы договорился с Вишневской, отдал бы Стаса ее людям. Но ее посланец сразу повел себя вызывающе дерзко, чем и предрешил свою судьбу. «Интересно, – задумался Яков Павлович, – что Софья предпримет? Ведь, учитывая криминогенную обстановку в стране, ее человек мог просто погибнуть где-нибудь по дороге. При условии, что он ехал один», – поправил себя Бобров. Нажав кнопку связи, сказал заглянувшей в кабинет женщине:

– Григория немедленно ко мне!

– Ты что?! – прошипел открывший дверь Павлюк. – Я же говорил, чтобы не совался ко мне! Так какого...

– Ты выслушай, – раздраженно перебил его Эдуард. – Я после тебя мимо вокзала поехал, тормознул курева купить. А тут...

– Ты за этим пришел, – зло спросил Павлюк, – чтобы мне рассказать, как ты...

– Приятеля по зоне встретил, – перебил его Эдуард, – вместе в Брянске сидели. Он из Краснодарского края. Сюда с двумя приятелями к Бобру приехал. – Замолчал, неторопливо достал пачку сигарет.

– Ну? – уже заинтересованно поторопил его Валентин.

– От бабы одной, насчет Стаса поговорить. У Стаса с ней канитель какая-то. Вот она и прислала...

– Понятно, – пробормотал Валентин. – Сколько их?

– Трое. К Бобру один пошел. Такой заершенный, весь на понтах.

– А другие двое где?

– Сашок, кент мой, – сказал Эдик, – у меня с приятелем сидит. С этим блатюком, который к Бобру пошел, вечером должны встретиться.

– Он был один, – пожал плечами Григорий. – Мне девки позвонили. Мол, пришел какой-то. Порыкивает на всех. Мне, мол, ваш босс нужен. Я приехал, он на меня бочку покати. Я и вызвал вас.

– Сделал ты все как надо, – кивнул Бобров, – но необходимо выяснить, один он приехал или с кем-то. И сделать это надо немедленно!

Григорий усмехнулся. «И как это сделать?» – подумал он.

– Съезди на вокзал, – словно прочитав его мысли, сказал Яков Павлович. – Вот его билет. – Он протянул железнодорожный билет на поезд Москва – Курск.

– Тогда прощай, – кивнул Григорий. – Это я в течение часа выясню. А если не один? – вопросительно взглянул он на хозяина.

– Мне нужно, – сердито сказал Бобров, – чтобы те, кто с ним приехал, умерли. Я ясно выразился?

– Вполне, – кивнул Григорий. – Но, думаю, если он не один, его спутников отыскать будет нелегко. Хотя, – улыбнулся он, – этим займутся наши Друзья из органов. За что они деньги-то получают? А уж искать – их святая обязанность... Павлюк потушил окурок в выдвинутой пепельнице.

– Долго еще? – хмуро спросил один из сидевших на заднем сиденье «восьмерки» парней.

– Скоро, – кивнул Валентин. – Еще от силы минут пятнадцать. Он вместе с Эдиком заехал за его гостями.

– Мы покажем им, где Стае, – объяснил он Эдуарду. – И пусть сами решают, что делать. Несколько минут он провел в нервном ожидании. И когда Эдик появился в сопровождении двух крепких парней, облегченно вздохнул.

– Поворот направо видишь? – махнул рукой Павлюк. – Давай туда.

– Что там-то? – удивленно взглянул на него Эдуард. – Стаса Бобр...

– Я сказал, туда! – рявкнул Павлюк. «Жигули», свернув с трассы, заплясали на неровной грунтовой дороге.

– Дальше куда? – не отрывая взгляда от дороги, стараясь держать глубокую, пробитую тракторами колею между колес «Жигулей», зло спросил Эд.

– Тормози! – выхватывая пистолет, заорал Павлюк и, обернувшись, выстрелил одному из сидевших сзади в грудь, а второму в голову.

– Ты что?! – заорал Эд.

Павлюк выстрелил в него, выскочил из машины. Внимательно осмотрелся и забрался в машину. Увидев в руке одного из парней пистолет, надел перчатки, взял его. Страдальчески сморщившись, стараясь, чтобы ствол пистолета едва касался левого плеча, нажал на курок. Взвизгнув, выронил оружие. Из надорванной ткани куртки, окрашивая ее, шла кровь. Задрожавшей рукой Павлюк вытащил носовой платок и запихнул его под куртку, к ране. Потом достал из стоявшей у ног спортивной сумки сотовый телефон.

...Отключив сотовый телефон, Бобров взглянул на стоявшего у двери Григория.

– Понял! Хмыкнув, тот вышел.

– Захвати врача! – громко сказал Яков Павлович.

– Понял! – уже громче повторил Григорий.

Стоя у двери длинного подвального помещения, Стае смотрел, как трое парней поочередно стреляли из пистолета с глушителем. Не вытерпев, покачал головой и подошел к ним.

– Дай-ка, – протянул он руку, – вспомню молодость. – Едва взявшись за рукоятку пистолета, мгновенно вскинул руку и дважды выстрелил. Резко повернулся вокруг своей оси и выстрелил еще два раза. – Давай, – кивнул он парню, стоявшему у маленькой лебедки, подтягивающей мишень.

Тот закрутил рукоятку.

– Вот это да! – восторженно выдохнули двое в один голос.

– Есть порох в пороховницах, – подмигнул им Стае и, бросив пистолет одному из парней, вышел.

Ему уже порядком надоело сидеть взаперти. Но отправиться куда-то мешал страх. Ночью он спал мало и беспокойно. Подозрительно всматривался в лица парней. «Что-то Яшка крутит, – вспомнил он непонятное поведение брата. – Может, хочет меня подороже продать? С него станется. – Войдя в комнату, вытащил из-под рубашки засунутый за пояс джинсов „ТТ“. Положил на столик у кровати и лег. – Надо что-то делать, – уныло подумал он. – А вот что?»

– Где Яков Павлович? – услышал подошедший к двери спортзала Бобров. – Он..

– Ты хочешь меня видеть? – входя, спросил Бобров, а дрался. Что я думаю, ты сейчас узнаешь, – многозначительно пообещал он и направился к выходу. – Я скажу! – заорал Павлюк.

– Что это значит? – Павлюк дернул скованными сзади руками. – Я же говорил – Эдик захватил меня и потребовал отвезти к вашему брату. Я сказал, что...

– Ты поступил, как молодогвардеец, – засмеялся Яков Павлович. – Тебя ранили, когда поняли, что ты их обманываешь, а ты убил всех троих. Так? – спросил он.

– Да, – кивнул явно растерявшийся Павлюк.

– Видишь ли, милый, – усмехнулся Бобров, – я бы, без сомнения, поверил тебе, если бы не слова одной проститутки. Она была у Эдика на квартире, развлекала краснодарских. И слышала, как тот сказал, что Стаса, видимо, перевезли, но есть один человек, который отвезет их к нему. Когда они вышли, она посмотрела в окно. А тебя, Валентин, – подмигнул Яков Павлович, – знают все шлюхи в городе. Так что давай говорить откровенно. Налет на людей Трофимова совершили твои люди. Ты ловко подставил Лильку, – одобрительно заметил Бобров. – Или это сделал тот умелец? Кстати, я просто сгораю от желания увидеть его. Кто он?

– Я не понимаю вас, – растерянно пробормотал Павлюк.

– Слушай, милый, – вздохнул Яков Павлович, – я все понимаю. Эдик рассказал о твоих грандиозных планах насчет мехов. И знаешь, это могло сработать. Потому как я человек миролюбивый и не хочу разных войн. И, скорее всего, если бы ты вышел на поставщиков, взял тебя в долю. Но сейчас речь пойдет о другом. Мне нужен человек, организовавший нападение на людей Трофимова. Кто он?

– Неужели ты думаешь, что я скажу? – Павлюк попробовал быть мужчиной.

– Скорее всего, он твой однополчанин, – предположил Бобров, – но, в отличие от тебя, не сидел в штабе.

– Странно, – набивая трубку, задумчиво пробормотал Птицын. – Белого видели в городе за день до нападения. Но тогда я ошибся, и, выходит, он работал не один. Впрочем, Белый не стал бы устраивать спектакля со снайпером, а просто перестрелял бы людей Трофимова. – Птицын достал из кармана небольшой целлофановый пакетик, в котором была пуля. – Стрелял действительно снайпер, – буркнул он. – Попасть в колесо идущей на скорости машины мог только спец. Но стрелки этого класса обычно работают по заказам. Этот же пошел на налет. Выстрел, это говорят все, был негромким, значит, винтовка с глушителем. Скорее всего, наша. Калибр «семь, шестьдесят два». В сущности, почти все винтовки и карабины подходят под этот калибр. Белый – бандит и на дело брал пистолет. Тип оружия ему безразличен. Впрочем, вполне возможно, сейчас он нашел именно свою марку. Хотя вряд ли. Черт возьми, – недовольно заметил Птицын, – меня как заклинило на Белом. Но уж больно похож человек, что подвозил Грача. И в то же время Белый на это не пошел бы. Да и стиль не его. Кто же этот умелец?

– Послушай, Юра, – вкрадчиво говорил Трофимов, – что-то ты не очень-то разыскиваешь бандюг. Уж не ты ли навел на себя этих идиотов? А деньги разделили?

– Да вы что?! – возмутился Грач. – Мне, например, обидно слышать от вас такое! Я, можно сказать...

– Ты поступил правильно, – кивнул Федор Матвеевич, – что не оказал сопротивления. Если бы там были трупы, милиция сейчас копалась бы в моем грязном белье. Но мне просто обидно! – воскликнул Трофимов. – Какие-то сволочи забирают мои деньги. В области, где меня знает каждая собака! Они бросили мне вызов, черт бы их побрал! И от того, что я ничего не могу сделать, считаю себя...

– Мы найдем их, – осмелился перебить его Юрий, – обязательно. Вы думаете, я чувствую себя спокойно? – не сдержавшись, закричал он. – Меня ограбили! Да если бы я знал, кто... – Он потряс крепко сжатым кулаком. – Я бы душу вынул из них! И не сразу, – зловеще пообещал он неизвестным налетчикам, – а с каждого медленно, маленькими кусочками! Сволочи!

– Это хорошо, что ты зол на бандитов, – немного помолчав, сказал Трофимов, – но ограбили меня, а не тебя.

– Конечно, – поспешил согласиться Юрий. – Я просто имел в виду, что ответственным был я.

– Ладно, – миролюбиво махнул рукой Федор Матвеевич.

– Я это... – нерешительно начал Грач. – В общем, слышал... – вздохнув, замолчал.

– И что же ты слышал? – снисходительно поинтересовался Трофимов.

– В общем, это... – повторился Грач. Увидев строгий взгляд шефа, торопливо добавил: – Адам тоже, кажется, включил своих людей в поиск налетчиков.

– Вроде? – спросил Федор Матвеевич. – Или подключил?

– Я слышал, – уже испуганно сказал Юрий, – от парней Жигуна. Они вроде...

– Черт бы тебя побрал! – разозлился Трофимов. – Он «слышал», «вроде», – передразнил он Грача. – Ты же знаешь, я терпеть не могу разных «вроде». Но то, что ты это слышал, – задумчиво проговорил он, – уже кое-что значит. Адам желает выйти на налетчиков. Если это так, то мои подозрения, что он как-то причастен к этому, обосновательны. Предположим, он сумеет выйти на бандитов, – принялся вслух рассуждать Трофимов, – что это ему даст? Если бы пропали деньги Боброва, это было бы объяснимо. А так... – Он задумчиво покачал головой. – Неясно. Вот что, ты проверь эти слухи. Действительно это так или просто очередной треп. Впрочем, я склонен поверить в это. Потому что никак не пойму причины его визита. Но чего именно он желает? – нахмурился Федор Матвеевич. – Если ты сказал правду... – словно надеясь услышать ответ, взглянул на Грача. Не зная, что ответить. Грач пожал плечами.

– Иди, – приказал Трофимов, – и не забудь, что я велел. Проверь эти слухи. Я не спрашиваю, от кого именно ты слышал. Мне просто надо знать, насколько эти слова соответствуют действительности.

– Ну хорошо, – сделав маленький глоток, толстыми пальцами Адам поправил махровое полотенце на голове. – Допустим, я соглашусь. Но только предположим. Что я буду иметь?

– Гораздо больше, чем получаешь сейчас, – улыбнулся сидевший напротив загорелый крепкий мужчина в светлом костюме. Под воротником голубой рубашки был небрежно повязан яркий цветастый платок.

– То есть? – уточнил Жигун.

– Товар, который скупают твои люди в столице, проходит несколько каналов. А следовательно, – улыбнулся собеседник Жигуна, – покупая этот товар из первых рук, ты выигрываешь в деньгах. Арифметика проста. И, кроме того, – опередив открывшего рот Жигуна, спокойно продолжил он, – оказав нам, в общем-то, пустяковую услугу, ты займешь место Трофимова.

– Значит, я должен узнать, – только ради того, чтобы что-то сказать, пробормотал Жигун, – видел ли...

– Где брат Боброва, – резко поправил его загорелый. – Вот что ты должен узнать. Как, это не столь важно. Если твои сведения подтвердятся, будешь иметь то, что я сказал.

– У меня есть друзья в Курске, – осторожно начал Жигун. – Но я ничего конкретного обещать не могу, – предупредил он.

– Через неделю я зайду, – поднимаясь, сказал загорелый. Шагнув к двери, остановился. – После парной рекомендуется пить минеральную воду. Организм потерял много воды. Кофе с коньяком после Парной отрицательно сказывается на работе сердца. С твоим телосложением, – тонко улыбнулся он, – это опасно вдвойне, – и сразу вышел.

Сделавший во время его короткой лекции глоток, Жигун, поперхнувшись, выплюнул кофе.

– Что? – удивленно спросил Птицын телефонную трубку.

– Немедленно возвращайся, – повторил голос Боброва.

– Я приеду утром, – сказал Геннадий.

– Трофимову ничего не говори, – посоветовал Бобров. – Я ему сам перезвоню.

Услышав отбой, Птицын задумчиво посмотрел на трубку. Осторожно положил ее.

– Что-то Бобров узнал, – пробормотал он. – Но как? Может, Славик уехал не на похороны? Ленка не из тех дам, кто ездит отпевать родственников. Но что он мог узнать? Ну, конечно, – криво улыбнулся он, – Белый. Черт возьми, значит, я правильно его вычислил. Но подожди... – остановил себя Птицын. – В голосе Боброва не чувствовалось злости. Он, кажется, даже был доволен. Ладно, – махнул рукой, – не буду забивать себе голову. Завтра все узнаю. – Взяв чемодан, начал укладывать вещи. – Но кто тот, с пистолетом? – спросил он себя. – Что двое с автоматами – местные, это почти наверняка. Просто я пытался убедить себя в том, что это Белый, и только поэтому не занимался остальными, хотя следовало бы. Но уж больно мне хотелось увидеть Лешку Иванова! – зло процедил он и с силой закрыл крышку чемодана.

– Скорей бы что-нибудь сделать, – прикуривая, пробормотал Кощей. – Я давно с этого хутора сорвался бы, но Маршал – мужик деловой. С ним запросто можно куш приличный ухватить. И под бочок к какой-нибудь грудастой, – хохотнул он. – Или на Канары скатать. Посмотришь по телеку – во, думаю, живут суки! То на Канары, то еще куда. А здесь как пожизненно приговоренный. Они, сучары, себе миллионы на спекуляции сделали и...

– Во-первых, – спокойно перебил его Зверобой, – тебе тоже никто не мешал этим заниматься. Ты избрал другой путь. Тряс их на рынках. Но те, кого ты обирал, сами последний хрен без соли доедали. Вот поэтому мусора вас и гоняли. Настоящий рэкет – это когда при входе на рынок платишь. А те, кто торгует, за охрану от таких, как ты, отстегивают. Те, кто, как ты говоришь, на курорты заграничные ездят, может, только там и отдыхают. Лично мне вся эта коммерция на хрен не упала – цену регулируй, то доставай, это ищи, «крыше» плати, ментам тоже. Сейчас еще эта налоговая появилась. Им отстегивай. Я к чему это... – заметив удивленные взгляды Кощей и Власа, сказал он. – Вот сейчас визжат о росте преступности. А этих преступников сами делают. И вы – яркий пример тому. Ну не в кайф вам торговать чем-то. И на завод не устроиться. Так что...

– Лично мне завод не в жилу, – усмехнулся Влас. – Мужики вон говорили, что раньше все обязательно пахать должны были. Сажали за то, что не прописан или не работаешь. Год давали. А за что? Конечно, то, чем мы сейчас занимаемся, тоже долго не продлится. Или мусора свяжут, или кто-нибудь из мафии прищучит. Поэтому Кощей прав. С Маршалом можно крупняк сделать и разбежаться. Он мужик с головой.

– А ты, – усмехнулся Николай, – как Макаренко, базаришь. Послушаешь тебя и думаешь: во комсюк. Если бы...

– Мне все это, – улыбнулся Зверобой, – Маршал говорил. А он, ты сам сказал, – засмеялся Иван, – мужик башковитый.

– С чего это он тебе такие лекции читал? – удивился Влас.

– Это не лекция, – покачал головой Иван, – просто рассуждение. Настоящее преступление – это тоже своеобразный бизнес. Повезет – при деньгах. Нет, – дернул он плечами, – скорее всего, похоронят. Вот вы собирались в Воронеж двинуть, развеяться. А не забыли, что нас Трофимов ищет? И нас, может, уже вычислили. В Воронеже у Трофима наверняка знакомые есть. Так что запросто повязать могут. Потому что сейчас нам в первую очередь не мусоров бояться надо, а тех, кто с Трофимом в хороших. – Увидев, как приятели переглянулись, засмеялся. – Вот поэтому мы и ждем Маршала здесь. Он скажет, что дальше.

– Да скучно больно, – потягиваясь, деланно зевнул Кощей. – А то, что ты сказал, будто нас Трофимов может искать, параша. наших морд не видел никто. К тому же, даже если заинтересуется кто-то, что навряд ли, то мало ли куда мы свинтили. А уж в то, что Кощей за ствол взялся, в жизни никто не поверит. Кого потряхнут или под нож поставят – это да. А чтобы я с пушкой на «ура» машину брал... Он рассмеялся.

– Но тем не менее, – недовольно проговорил Влас, – Ванек дело сказал. Трофим сейчас город шерстит. Впрочем, ну его на хрен, лично мне он по хрену. Маршал приедет, узнаем, что почем, а там видно будет. Бабки почти все целы. А с ними и подыхать, если придется, веселее.

– Рановато ты на тот свет собрался, – не согласился с ним Николай, – тем более при бабках. Может, сегодня хоть в Сомове это наведемся? – предложил он. – А то сидим, как в шизняке.

– Рано, – возразил Зверобой. – Да и вообще лучше не рисоваться. Бабке сказали, что студенты, вот и будем отдыхать в саду под яблоней. Они расцвели. – Он глубоко вздохнул. – Чувствуете запах? Медом пахнет.

– Я чувствую, что навозом попахивает, – ухмыльнулся Кощей. – А все эти весенние песни мне по хрену. Скорей бы Маршал нарисовался.

– А если его шлепнут? – вдруг спросил Влас. – Мы-то и не узнаем. Будем сидеть в этой халупе и...

– А что? – кивнул Николай. – Ведь, в натуре, дуриками просидим, пока бабки не кончатся. Короче, вы как хотите, а я еще неделю жду и сваливаю.

– Я тоже, – поддержал его Влас. Зверобой вздохнул и промолчал. Но было видно, что слова парней заставили его задуматься.

Ника удивленно смотрела на Елену, которая мыла посуду.

– Доброе утро, – увидев ее, Елена приветливо улыбнулась. – Я встала рано, как-то непривычно. Да и, если честно, – смущенно призналась она, – не по себе. Я-то маму уже давно похоронила, не помню. Вернее, не все помню, но страх, видимо, так и остался. Вы извините, что мы так поздно приехали. Я, как только телеграмму получила, сразу к Славе поехала. Он в командировке был, в Орле, – увидев подошедшего к умывальнику Белого, сказала она. – И мы сразу же поехали. Я, конечно, понимаю, – опередив пытавшуюся что-то сказать Нику, торопливо проговорила Елена, – у вас со Славиком разные характеры, но он любил Зинаиду Степановну. Просто, понимаете, – вздохнула она, – как-то все некогда было. Он работает экспедитором в одной солидной фирме. Вы уж извините за вчерашнее. – Вытирая руки, она пожалала плечами. – Я не ожидала, что так у вас выйдет. Он ведь муж мне. А ребята, которые с нами, вроде как телохранители. От фирмы.

– Я тоже хотела бы извиниться. – Вспомнив произошедшее, Ника поморщилась. – Не выдержала. Ведь мама... – недоговорив, всхлипнула и порывисто отвернулась.

– Я понимаю, – сочувственно повторила Елена. – Мы завтра уедем. Все-таки...

Умывшись, Белый увидел вышедшего из поставленной в саду двухместной палатки Вячеслава, криво улыбнулся.

– Привет.

Вячеслав остановился.

Не отвечая, Белый пошел к бане, где спал.

– Нам надо поговорить! – крикнул ему вслед Вячеслав.

– Слушай, ты! – Обернувшись, Алексей обжег его злым взглядом. – Нам с тобой базарить не о чем. Усек?! Ты, сучара, матери хоть бы сотню-другую выслал. Ведь она...

– Но она никогда не просила, – перебил его Вячеслав. – А так высылать... – Он пожал плечами. – Ты же знаешь ее. Она могла обидеться...

– Вот я-то как раз и не знал ее, – поправил его Белый, – некогда было. А ты, пес, хату ее занял. Чего же ее к себе-то не взял? Стесняла бы, – криво улыбнулся он. – Так хоть помогать бы приезжал! Хрен на рыло. Да короче! Не о чем нам с тобой базарить! И мой тебе совет: линяй отсюда по-скорому. А не то, точно, канитель выйдет. Я тебя, суку, видеть спокойно не могу!

Белый шагнул в баню и с грохотом захлопнул дверь. На голоса от стоявших у забора машин бежали четверо парней.

– Назад! – рявкнул Вячеслав. – И не высовывайтесь!

– Ты пасть не разевай, – остановившись, коротко посоветовал один из них, – мы с Еленой Яковлевной...

– Ты думаешь, что говоришь? – Из раскрытого окна показалась голова Елены. – Сволочь! Не забывай, что он мой муж! А ты всего лишь сторожевой пес, которого отец может заменить. И если еще раз ты хотя бы повысишь голос!.. – недоговорив, погрозила кулаком.

– Запомни, – начиная притормаживать, сказал Маршал, – мы ехали всю ночь. Вчера нас здесь не было.

– Ох и ночка была, – засмеялась Ирина. Наклонившись, чмокнула его в щеку. – Я люблю тебя, Артем, – прошептала она, – только не исчезай больше. Потому что я просто не смогу жить одной лишь памятью. Я понимаю, – горько улыбнулась Ирина, – все у нас получилось, как в авантюрном романе. Молодой офицер предложил совсем незнакомой девушке руку и сердце. – Она вздохнула. – Ты помнишь, как все было?

– Отставить разговоры, – останавливая «жигули», улыбнулся Артем. – Сейчас мы просто муж и жена. И не надо говорить о том, кто и кем был. Если будут спрашивать, что вполне вероятно, то скажи, что живем в Пензе. Ты врач, я учитель физкультуры. И веди себя спокойно.

– Ты, как всегда, загадочен, – вздохнула Ирина. – Знаешь, я много думала, почему я тогда согласилась. Иногда ненавидела тебя. Иногда ты мне был нужен, чтобы высказать тебе все, что накопилось. Но все время, даже когда ненавидела... – На ее глазах он увидел слезы. – Я любила тебя, старлей.

– У нас еще не все потеряно, – заметил Маршал, – мы должны быть и будем счастливы. Договорить помешал вышедший из калитки Белый.

– Здорово, – открывая дверцу, кивнул Маршал.

– Ты? – удивленно остановился Белый.

– Я думал, ты меня раньше заметил, – усмехнулся Маршал.

– Да тут этот козел прикатил, Славик. Я его, пса... – недоговорив, грубо выругался.

– Что о тебе дама подумает, – укоризненно заметил Маршал.

– Так ты с телкой! – Пригнувшись, увидел Ирину. – Звиняйте, барышня, – криво усмехнулся Алексей.

– Ничего, – спокойно отреагировала Ирина.

– Небольшая поправка, – улыбнулся Маршал. – Ирина – моя жена.

Белый удивленно округлил глаза.

– Успокойся, – засмеялся Маршал. – Я женат уже шестнадцать лет.

– И несколько месяцев, – добавила Ирина.

– Вот это да, – выдавил Белый.

– Насколько я понял, – тихо сказал Маршал, – вчера были похороны твоей матери. Так что стеснять не будем. Тут где-нибудь можно на неделю домик снять?

– Хрен его знает, – пожал плечами Белый. – Я сам только что нарисовался. Сейчас у сеструхи спрошу. Он пошел к дому.

– Артем! – Ирина изумленно взглянула на мужа. – Странные у тебя друзья. Он, по-моему, типичный уголовник.

– Бери выше, – засмеялся Артем. – Лешка – бандит. В самом прямом смысле этого слова. И тем не менее он мой друг. Я понимаю твое удивление, – кивнул он, – но, пожалуйста, Иринка, не спрашивай больше ни о чем – врать не хочу.

– Познакомьтесь, – услышали они голос Белого, – моя сестренка.

– Ника, – кивнула вышедшая с ним девушка с заплаканными глазами.

– А вот и ее жених, – указал Белый на подходившего Анатолия.

– Я прошу тебя, – вздохнул Вячеслав, – давай уедем.

– Разумеется, – засмеялась Елена. – Здесь мы жить не будем. Но уедем немного позже. Дня через два.

– Но ты понимаешь, что может получиться скандал? – попытался объяснить он. – Ты же...

– Вот что, милый, – уже раздраженно проговорила она. – Я сказала, что уедем дня через два. Может, даже позже. Ты просто старайся не попадаться на глаза своему брату. И тогда никакого скандала не будет.

– Я не понимаю тебя... – Вячеслав покачал головой. – Кричишь на парней. Вдруг решила остаться на неопределенное время.

– Я утром даже посуду после поминок перемыла, – усмехнулась Елена. – Ты же знаешь, я никогда ничего не делаю зря. Поэтому не мешай мне.

– Извините, – услышали они голос. – Там «жигуль» приехал. Мужик с бабой. Похоже, знакомые девки.

– Ну и что? – буркнул Вячеслав.

– Номер какой? – выглянула Елена.

– Пензенский, – сразу ответил подошедший к палатке парень.

– О чем говорили, – спросила она, – не слышали?

– Этот, в наколках, – сказал парень, – вышел, они ему велели сестру позвать. Она когда подошла, ее парень нарисовался. Они с ними и уехали.

– Ладно. – Елена махнула рукой, потеряв интерес к приехавшим. – Приготовьтесь, сейчас купаться поедем.

– Отлично, – осмотрев комнату, довольно улыбнулся Маршал. – А тебе как? – повернулся он к Ирине.

– Отлично – не то слово, – засмеялась она. – Окна в сад выходят. И баня есть. Ну, а ты где будешь? – Ирина посмотрела на стоявшего у двери Анатолия.

– Я, когда тепло, – смущенно ответил тот, – в сарае живу. У меня там здорово. И телевизор есть. Хотите...

– У меня есть идея, – неторопливо перебил его Маршал. – Ты нам, как гостям, уступаешь свое классное жилье.

– Правильно, – поддержала его Ирина. – Я давно мечтала пожить хотя бы пару дней в благоустроенном сарае, – весело добавила она.

– Но, – развел руками Толик, – по-моему...

– Слушай, – подвинувшись к нему, прошептал Маршал, – надеюсь, ты не откажешь моей жене? Парень растерянно посмотрел на Нику.

– И еще, ребята, – уже обоим сказал Маршал, – если кто будет спрашивать о нас, скажите, что мы к вам приехали. А то если узнают, что мы с Алексеем знакомы, – со смехом махнул он рукой, – такого наговорят, что спецназ явится.

– Леша! – заглянув в дверь дома, позвала Елена.

– Ну, – недовольно отозвался тот с кухни.

– Мы купаться едем. Не хотите?

– Нет, – кратко отказался он.

– Тогда подскажите, куда лучше поехать? – спросила она.

– А хрен его знает, – буркнул Белый.

– Вы не очень приветливы, – входя, укоризненно сказала Елена. – Я понимаю, со Славой у вас... – Замявшись, смущенно улыбнулась. – Ну, как это сказать, родственная неприязнь, что ли. Точнее, не неприязнь...

– Чего тебе?

Стоя у плитки, он помешивал начавший закипать чифир.

– Ну что же, – серьезно сказала Елена. – Только не торопись грубить. Я могу предложить тебе хорошо оплачиваемую работу в твоём вкусе.

– Что? – повернувшись, усмехнулся Белый. – Что ты можешь знать о моем вкусе? Вот ты... – по-мужски оценивающе осмотрел ее с головы до ног. – Как баба мне нравишься. И

мордашка смазливая, и фигурка с ножками путем. Я бы тебя тыкнул. Хотя бы для того, чтобы у Славика лишние рога выросли. – Белый засмеялся.

– Знаешь, – улыбнулась она, – ты мне начинаешь нравиться. Значит, твое желание вполне осуществимо. Но сначала давай поговорим о деле. – Понизив голос, Елена шагнула к нему. – Я и на похороны вместе с Вячеславом приехала потому, что надеялась встретить тебя.

Прищурившись, он молча уставился на нее взглядом почуявшего кровь хищника.

– Я говорю вполне серьезно, – спокойно сказала Елена.

Она знала, что он ничего ей не сделает. Но, увидев его глаза, почувствовала страх и сделала шаг назад.

– Ладушки, – усмехнулся Белый, – я слушаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.